

ПЛАНЕРИСТЫ

На зеленом поле Тульского аэродрома, распластав крылья, прижались к траве красные, желтые, голубые и зеленые безмоторные птицы.

Неподалеку выстроились в линейку самолеты-буксировщики.

Напряженно работают команды планеристов, готовясь к рекордным полетам. Это участники XV всесоюзных планерных состязаний. Они собрались сюда со всех концов Советского Союза. Первенство оспаривает около двадцати команд.

В этом году на слете среди сильнейших мастеров безмоторного летания много молодых талантливых планеристов, изучивших летное дело без отрыва от производства. Среди них молодая москвичка Е. Прохорова достигла больших успехов: она заняла первое место в гонках по маршруту Тула — Алексин — Тула, превзойдя женский международный рекорд дальности полета на одноместном

Планер «Крылья освобожденного народа» команды Западной области УССР в полете.

планере в намеченный пункт. Она пролетела 340 километров.

Рано утром один за другим разноцветные планеры, отцепившись от самолетов, набирают высоту и скрываются в облаках.

В программе соревнований полеты на дальность, высоту, продолжительность в заранее намеченный пункт и фигурные полеты.

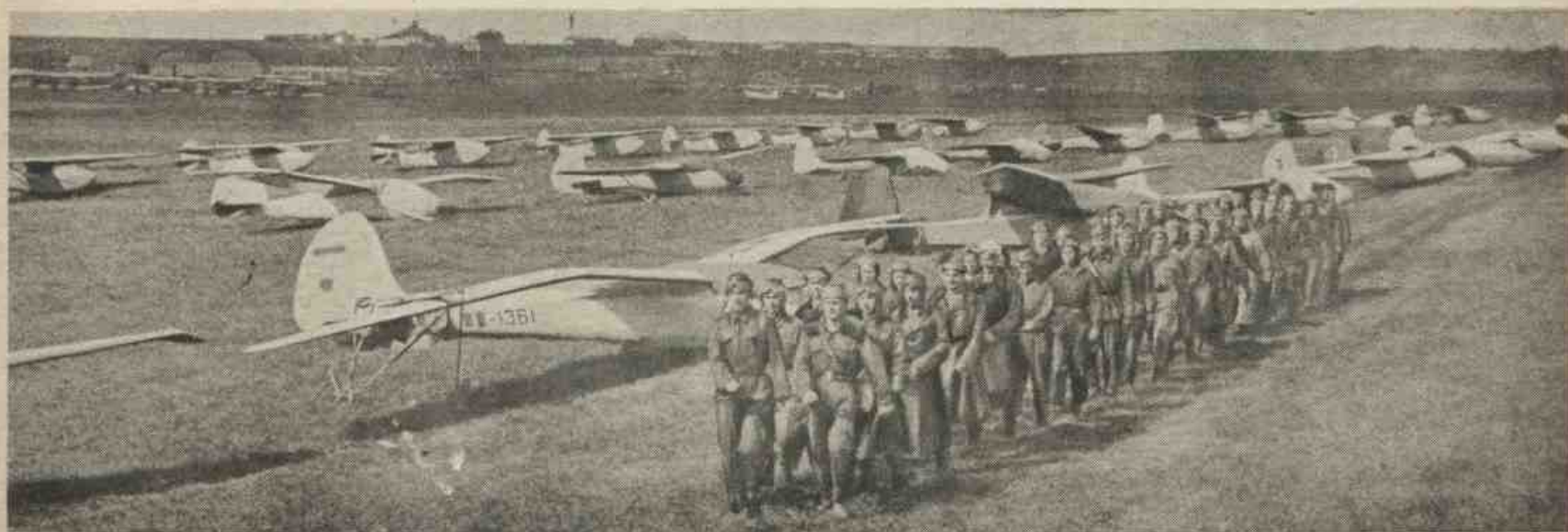
Вечером в штаб поступают сообщения о новых рекордах.

Результатами соревнований являются новые международные рекорды: мастер планерного спорта СССР Карташев превысил свой международный рекорд дальности полета в намеченный пункт с возвращением на старт, пролетев 390 километров; кроме того Карташев наместного превысил рекорд дальности полета на двухместном планере в заранее намеченный пункт (Тула — Харьков); мастер планерного спорта Ольга Клепикова превысила международный рекорд дальности полета на двухместном планере, покрыв по прямой 445 километров.

Замечательный слет был завершён массовым праздником — встречей планеристов с трудящимися Тулы.

Справа сверху — мастер планерного спорта СССР И. Карташев. Справа — мастера планерного спорта СССР О. Клепикова (слева) и Е. Зеленкова.

Вверху — участники соревнований идут на старт. Внизу — молодая московская планеристка Е. Прохорова.

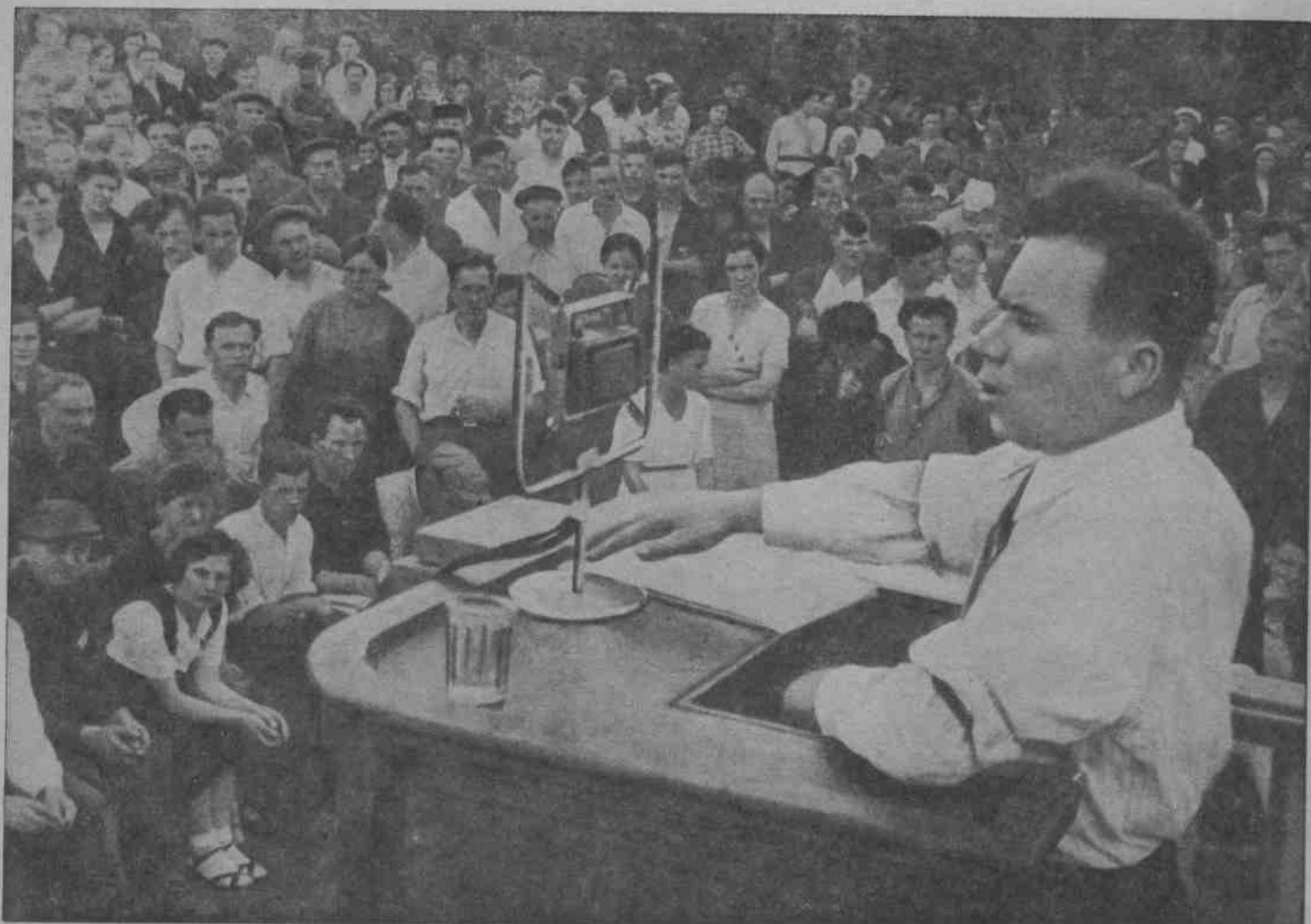

НА БЛАГО РОДИНЫ И НАРОДА

Двадцать пятого июня Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов обратился по радио ко всем рабочим и работницам, инженерам, техникам и служащим, ко всем членам профессиональных союзов с предложением перейти на восьмичасовой рабочий день, семидневную рабочую неделю, запретить самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Это обращение штаба многомиллионной армии членов профсоюзов встретило всеобщее, всенародное одобрение. На многочисленных митингах и собраниях рабочие и служащие приветствовали обращение ВЦСПС. Эти митинги и собрания, прошедшие в обстановке высокого патриотизма, ярко продемонстрировали неразрывное единство интересов народа и государства.

Предложения, изложенные в обращении ВЦСПС, одобренные народом, узаконены Указом Президиума Верховного Совета СССР. Воля рабочего класса нашей социалистической родины выполнена.

Переход на восьмичасовой рабочий день, на семидневную неделю, укрепление трудовой дисциплины, беспощадная борьба с прогульщиками и летунами дают нашей стране больше металла, угля, нефти, больше танков, самолетов, боевых кораблей, больше паровозов, вагонов, предметов широкого потребления. Уже первые недели работы, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР, говорят об исключительных перспективах. Наша страна становится еще более крепкой и богатой. Наша Красная Армия, Военно-Морской и Воздушный Флот, получая все необходимое, становятся еще более сильными, более подготовленными к любой неожиданности в современной международной обстановке, сложившейся в результате второй империалистической войны.

Митинг, посвященный переходу на восьмичасовой рабочий день и семидневную рабочую неделю на московском станкозаводе имени Серго Орджоникидзе. Выступает первый секретарь Ленинского райкома ВКП(б) Н. М. Суровой.

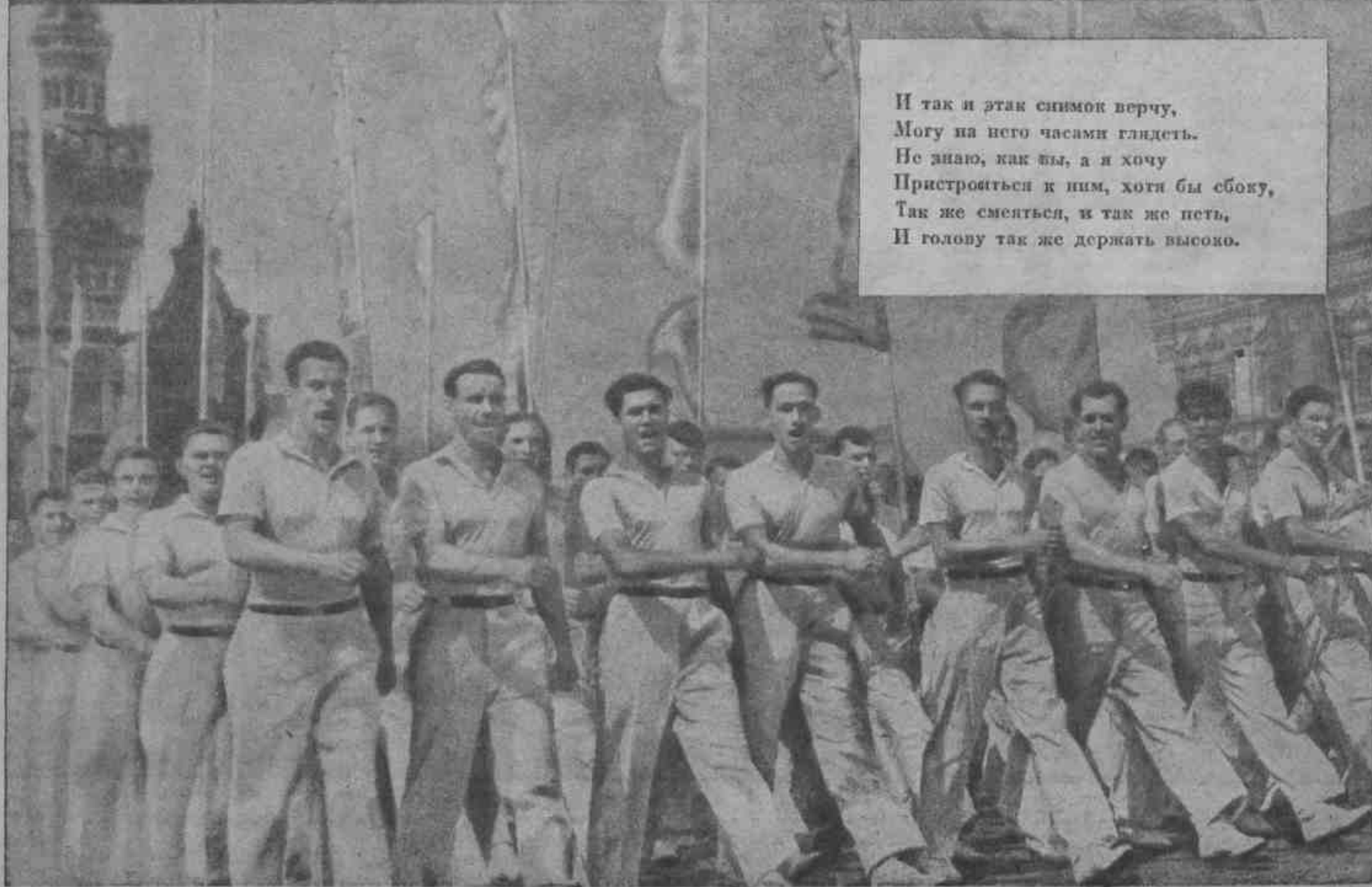
Фото Л. Петрова

Молодость

Фото И. Шагина
Стихи Я. Смелякова

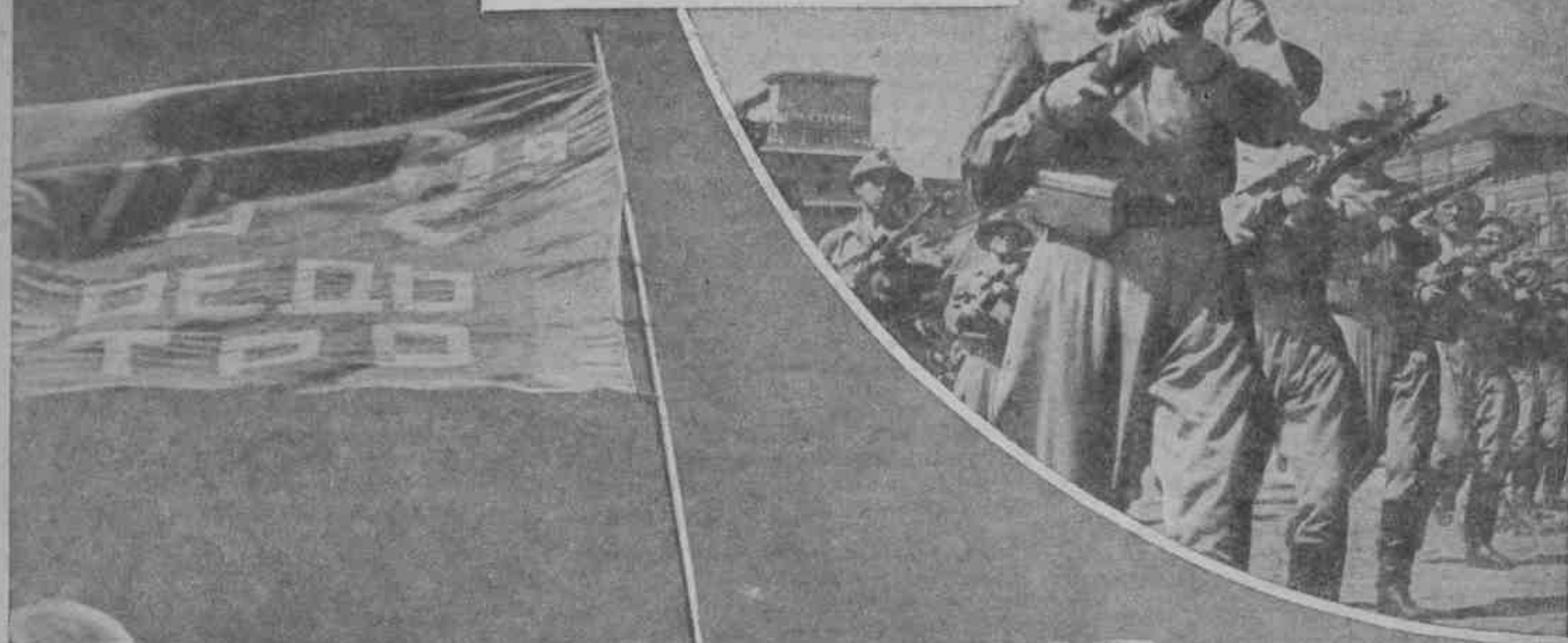

Еще в руке ее эта граната,
Но одно мгновение спустя,
Вырвавшись из ладони разжатой,
Через весь стадион пролетит свистя.

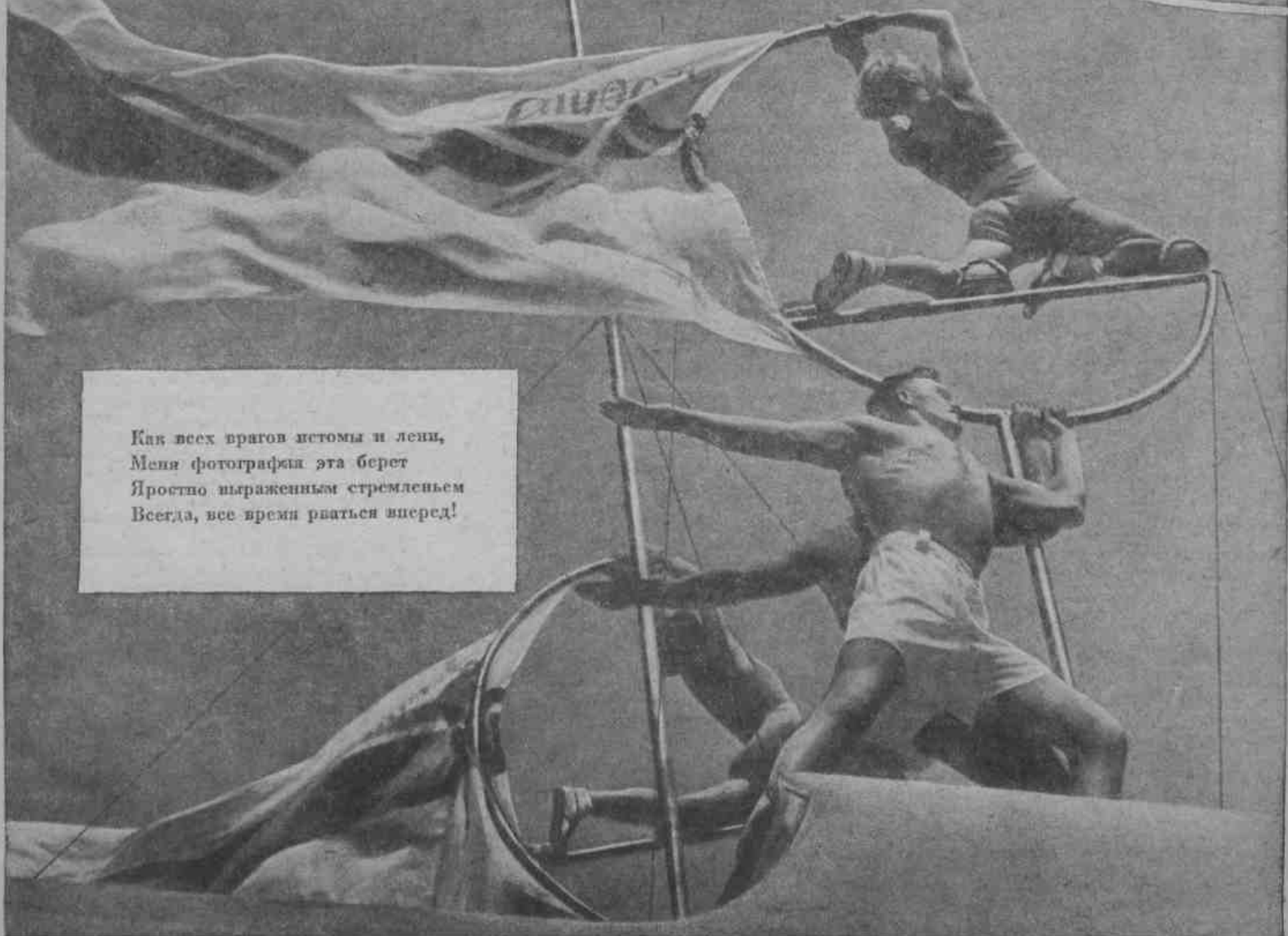

И так и этак снимок верчу,
Могу на него часами глядеть.
Не знаю, как вы, а я хочу
Пристроиться к ним, хотя бы сбоку,
Так же смеяться, и так же петь,
И голову так же держать высоко.

Прославим юношей вооруженных,
Красные звезды на шанках зеленых,
Твердую руку, орлиный взгляд.
Не только здесь, на журнальных
страницах,—
Во всех городах и на всех границах
На страже Союза они стоят.

Как всех врагов истомы и лени,
Меня фотографии эта берет
Яростно выраженным стремленьем
Всегда, все время рваться вперед!

ДУНДИЧ

«А красивый Дундич? Кто его может забыть? Кто может сравниться с этим буквально сказочным героем в лихости, в отваге, в доброте, в товарищеской сердечности? Это был лев с сердцем много ребенка...»

К. Е. ВОРОШИЛОВ

Я настроил сербские гусли,—
Тетива тугая натянулась.
Пусть о Дундиче новое слово
Яго¹ соколиное услышит.

Заиграйте, сербские гусли,
Как пристало гуслям — громовито;
Пусть до голубого Ядрана²
Долетит моя простая песня
О могучем юнаке Иване,
Храбром сыне сербского народа.

Гей, идет двадцатый век по скалам,
Украшается поле цветами,
Украшается юнацкой силой Дундич.
Тут и кликнул громкий клич Буденный,
И услышал Дундич побратима.
Он выводит коня вороного,
Сербского коня Бедени.
Смотрят на Ивана сербиянки,
Простирают прекрасные руки:

— Поглядите на Дундича, люди:
Тесно в сербских полях юнаку:
Льва на привязи не удержишь;
Скоро через фронт прорвется Дундич,
Он скачет по дальним просторам.

Скоро через фронт прорвался Дундич,
Он с Буденным говорит по-русски,
По Кубани летает, по Придону,
По воронежским полям черноземным
И от Курска до города Ростова
Белых войводов³, как звери, травит.

Хлынул Дундич горным водопадом,
А за ним другие — морем гулким.
Он врывается в белых с палата;
В левой — сабля из стали богемской
С двумя глазами на рукояти,
В правой — маузер «Мужское сердце»
Знаменитого завода Шкоды.

Если сто врагов он увидит,—
Пятьдесят до седел порубит,
Пятьдесят он конем потопчет;
Если тысячу врагов заметит,—
Он всю тысячу уничтожит;
Если враг от него уходит,—
Гневный маузер свой наводит
На врага неукротимый Дундич,
Враг ложится на сырую землю,
Как трава под сверкающей косою.

На рассвете голубые зори
Подорожники моют росой
И подернуты серебряные реки

Синей мглой — русалочьим дымом.
Сон еще обнимает землю —
Храбрый Дундич задремать не хочет:
Сторожит великую победу.
Он коней у врага уводит,
Похищает у него оружие,
А потом возвращается, сокол,
Первой Конной приносит добычу.
Он смеется и шутилки шутит,
И поет старинные песни,
И цветы он в поле срывает,
Держит в левой руке незабудку,
И глядит в глубокое небо.
Ночью снова буря нисходит,
Ливень бьет по земле, как в бубен,—
Сабля Дундича молнией блещет,
Грома громче маузер юнака.

И его назвал Ворошилов
Красным Дундичем, славным
командиром,
Львом бесстрашным с сердцем ребенка.

Лейся, лейся, голос громких гуслей!
Вейся, вейся, смычок торопливый!
Слышу сиренет великой битвы,
Топот быстрых подков под Ровно.
Ворон каркает в розовом небе,
А заря опускает веки:
Верно, крови людской бьются...
То не ворон каркает в небе —
То трещит польское знамя,
Панская конница показалась,
Подорожная пыль закружилась,
Блещут в воздухе подлые пики.
Ополчились контраши⁴ на Россию,
Взять хотят страну молодую.
Напряглось орудийное горло,
И огонь пестушиным гребнем
Вспыхнул над жерлом шестидюймовым.
И раскрылась первая граната.

Первый раненый упал на землю
И погладил холодной ладонью
Влажную щему земли родимой:
— Ты прости меня, милая мама,
Что тебя пятнаю алой кровью,
Ты прости, что я умираю,
Не увидев твоей свободы.

А земля ему отвечала:
— Спи спокойно, сын мой достойный,
Отгремит великие войны,
Расцветут благовонные травы
На полях, увлажненных кровью.
И увидел раненый, умирая,
Очи Дундича над собою.
Только слов его не расслышал.
Тут ему и смерть приключилась.

А в ярутах кони верещали,
Кровь рекой текла по чернозему.
И тогда показался Дундич
На крылатом своем Бедени.
Он залетел, как сокол могучий,
А за ним юнаки другие.

«Гибнем, гибнем», — вскричали поляки,
Побежали в страхе великом,

Иван Антонович Дундич.

Потоптали польские кони
Белой Польши разорванное знамя.

— Возвращайся, буденновец Дундич,—
Труба молодые горнисты,—
Слава брани тебя приветит,
И Буденный тебя похвалит.

День уже прошел наполовину,
И последняя в отдалении
Польская винтовка прогремела.

— Дундич, Дундич, что с тобою
сталось?

Ты зачем в седле покачнулся?
Почему голубое небо
Стало черным с золотом по краю?

Ничего не отвечает Дундич,
Сердце львиное остывает,
И роится последнюю кровинку,
Как слезу роняет ребенок.

Дундича уносит конь могучий,
Хлещут воздух широкие крылья:
Не глядели б мертвые поляны
В его погасшие очи.

Гей, трещат гранитные скалы,
А по скалам время шагает,
Украшается поле цветами.
Триста Дундичей на кургане
Над юнацкой могиллой клянутся:

— Мы клянемся твоею славой
Быть такими, как ты, в сраженьях,
Быть такими, как ты, с друзьями.

Слава, слава, слава юнаку!

Я клянусь оружием партизанским
Стать в ряды его младших братьев,
Буду биться с контрашми на смерть,
Чтобы гусли звенели веселее,
Чтобы глутый смычок не плакал.

То, что было, — войсину было.
Здесь нам будет и мир и счастье.

¹ Яго — отряд, насчитывавший пятьдесят человек.

² Ядран — Ядринское (Адриатическое) море.

³ Войводы — военеды.

⁴ Контраши — контрреволюционеры.

На тактических занятиях в частях МВО. Стрелковое отделение перед атакой выдвигается на огневой рубеж.

БОЕВАЯ УЧЕБА В ЛАГЕРЯХ

Фото Ник. Соловьева

В центре: пулеметный расчет командира отделения Б. А. Павленко ведет огонь по воздушным целям. Слева: лучший гранатометчик подразделения, которым командует К. Г. Кисляков, курсант-комсомолец В. И. Коновалов. Справа: курсанты-комсомольцы В. И. Решетников (слева) и Н. М. Капустин на огневой позиции.

ПОД СОЛНЦЕМ ГРУЗИИ

Текст и фото
Юрия Еремина

На склонах отлогих гор и холмов, у теплого южного моря, раскинулись зеленые рощи и сады. Далеко на горизонте видны вечно белые вершины испанских гор; с них бурными потоками стекают реки, неся с собою плодородный ил; наслаиваясь веками, ил образовал широкие равнины, на которых разрослась дикая, буйная растительность, пере-

витая и спутанная колючими лианами.

Колхида! Какие богатства связаны с этим словом! Древние культурные народы Средиземноморья, главным образом греки, пускались в опасное плавание по негостеприимному Понту Эвксинскому, вывозя из Колхиды обильные дары природы. Позже национальные распри, раздоры и вой-

ны разорили край, и он заполнился сорной и бесполезной растительностью, под сенью которой из заболоченной почвы распространялись вредные испарения.

Еще двадцать лет назад почти по всему побережью царствовала лихорадка и были надрыто шакалы. Огромные пространства земли не были заселены и возделаны, и лишь небольшие города-курорты посещались, и то неохотно, приезжими; но пришел новый человек и вступил в борьбу с дикой природой и лихорадками. По равнинам, ущельям, склонам гор под благодатными лучами субтропического солнца зазеленели и зацвели пришельцы далеких стран: эвкалипты, пальмы, магнолии, камфарный и благородный лавры, чай, редкие плоды, лекарственные растения и эфиромасличные культуры. Американский тунг, дающий лучшее масло для лакокрасочной про-

В темной блестящей зелени прячутся золотые плоды: помаранцы, лимоны, мандарины, апельсины, бергамоты, цитроны, грейпфруты, помпельмусы и другие — самых разнообразных размеров, окрасок и форм.

Всесоюзная селекционная станция влажных субтропических культур вырастила и акклиматизировала редкие виды цитрусо-

Цитрон «Рука Будды».

мышленности, прекрасно приспособился к новой обстановке; его развесистая крона с широкими, лопатчатыми листьями видна во всех уголках побережья, а обильные гроздья зеленовато-бурых плодов отягчают раскидистые ветви. В феврале зацветают желтые мимозы, и вслед за ними начинается бесконечное чередование всевозможных цветов. Огромные плантации роз цветут до глубокой осени, а некоторые виды не прекращают цветения и в течение всей зимы.

выж: в садах станции оранжевым пламенем горит на солнце священные плоды японцев — цитроны; на небольшом деревце, не более одного метра высотой, покачиваются два гавайских помпельмуса гигантских размеров, величиной с человеческую голову; благоухает бергамот, из которого изготавливается кельнская вода (одеколон); на тонких и упругих ветвях, с огромными и крепкими как железные шипы, висит продолговатый как дыня, с бугристой кожей, иудейский цитрон. Особенно ин-

«Двуэтажное» дерево: грейпфрут в кроне мандарина.

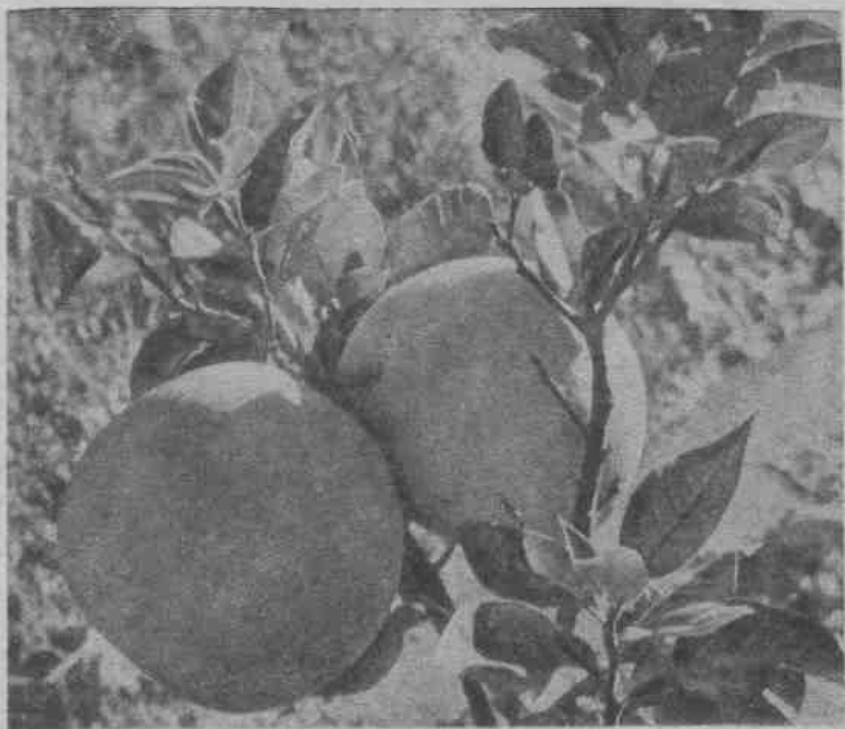
тересен выращенный станцией впервые в Союзе цитрон «Рука Будды» — священный плод Индии: в незрелом состоянии плод этот имеет вид руки, сжатой в кулак, при созревании отростки распускаются и пожелтевший плод уже совсем представляет собой кисть руки с пятью пальцами.

Поздней осенью всюду видны деревья, покрытые темнокрасными плодами: это хурма; ее плоды созревают поздно, когда с дерева опадут уже все листья.

На деревьях висят плоды, похожие на помидоры, а содержащее плодов заменяет масло: это гость далеких восточных стран — авокадо.

С каждым годом все больше и больше расширяются площади садов и чайных плантаций и природа щедро награждает своими дарами трудящихся Грузии.

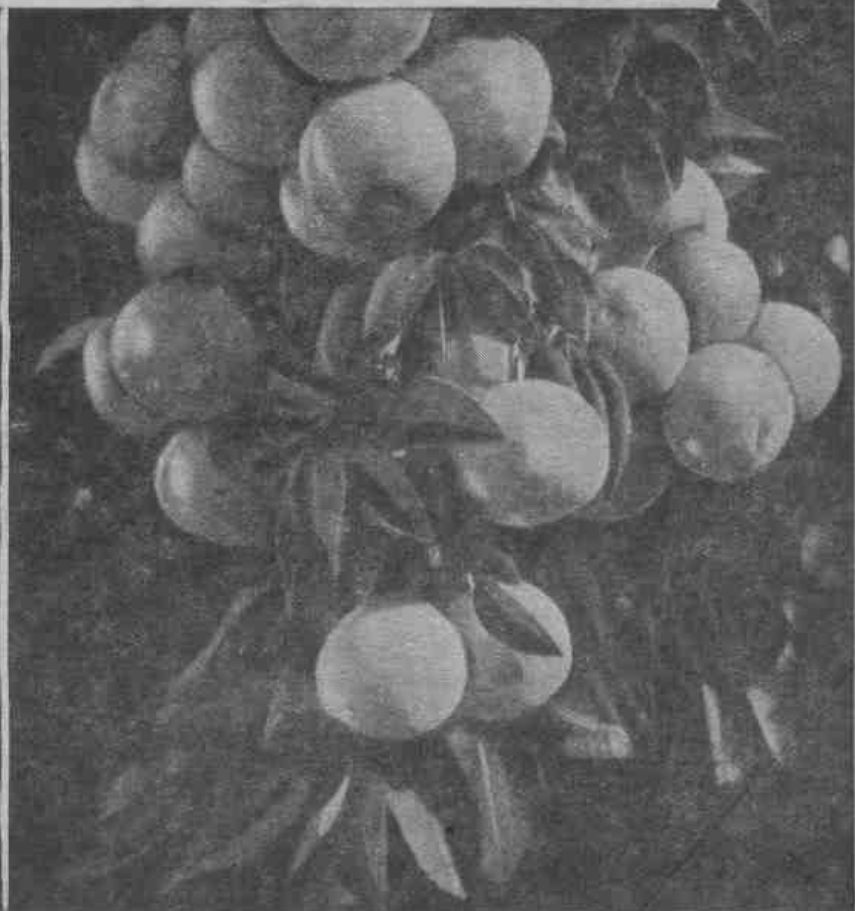
Совхозы, колхозы, научные станции и институты показывают в этом году на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке свои достижения не только в прекрасном Павильоне Грузии, но и во многих других.

Гавайские помпельмусы величиной с человеческую голову.
Вверху: ветка хинного дерева.

Гостя далеких восточных стран — авокадо.

Гроздь грейпфрутов.

Колхозная гостиница

РАССКАЗ

Иллюстрации худ. Н. Гринштейна.

Во время завтрака Александр Петрович Шувалов — московский житель и ответственный работник в одном из московских учреждений — сказал жене:

— Да! Я тебе еще не говорил: мать собирается ко мне приехать, как она пишет, на неделю.

Жена — Валентина Ивановна — вскакивала, но не совсем приязненно подняла брови и произнесла:

— Это новость! Что это она задумала?

Несколько смущенный тоном жены, Шувалов ответил:

— В общем вышло так, что я сам ее пригласил. Десять лет собираюсь поглядеться со старухой, хотел к ней поехать на отпуск, но вылилось, что отпуск будет нескорее... Мне стало совестно обманывать, я и предложил ей приехать сюда. Вот письмо: она выезжает на той шестидневке...

Валентина Ивановна с подчеркнутым равнодушием взяла из рук мужа помятый листок дурной бумаги. С трудом разбирая корявый почерк, она стала читать.

«Во первых строках кланяюсь родному нашему сыну Александру и дорогой сестре...»

— Сношеньке. То есть — тебе, сестре, — пояснил Александр Петрович.

Валентина Ивановна улыбнулась, и он покраснел от досады и стыда за свою мать. Все сидевшие за столом тоже сперва улыбались, а теперь отвернулись друг от друга, ощутив неловкость. А Валентина Ивановна вернула мужу письмо, сказав:

— Очень трудно одолеть такой почерк и... стили. Главное я уже знаю — о приезде...

Лицо Валентины Ивановны извещало откровенное огорчение. Шувалов примерно понимал, что именно огорчает жену. В их супружеской жизни протекла период не очень благоприятный. Было много мелких ссор, встречались и серьезные столкновения. Жене казалось, что Александр Петрович мало бывает дома. Она полагала, что дело не только в службе. Мужу, вероятно, прикупило проводить время с ней. Потом Валентина Ивановна тревожилась и по тому поводу, что, с ее точки зрения, Александр Петрович чересчур много стал пить.

Александр же Петрович считал, что пьет он немного, а если ему и случалось иногда быть навесе-

ле, то это всегда было вызвано каким-нибудь стечением обстоятельств. Это были случайности, а не система, как утверждала жена. Сетования жены на то, что он мало проводит с ней времени, только раздражали Александра Петровича. Тут он усматривал обычное для женщин желание забрать в свои руки мужа.

В сущности, Александр Петрович разделял неудовольствие жены по поводу приезда его матери. Он тоже хотел бы изжить свои ссоры с женой без свидетелей и без огласки.

Восемнадцатилетняя Катя — дочь Александра Петровича от первого брака (она тоже сидела за столом) — спросила, выдержав приличную паузу:

— А куда мы поместим бабушку, пока она будет здесь?

И на хитром лице было написано недовольство. У Кати началась первый в ее жизни настоящий «роман». Товарищ по институту, студент Сева Никольский, часто посещал ее. Кате точно было известно, что отец и матица неодобрительно относятся к этим визитам. Отцу казалось, что Сева недостаточно красив, недостаточно талантлив, мало обещает в жизни. Своей дочери он желал бы не такого мужа. Валентина Ивановна полагала, что Катя чересчур молода. Ее раздражало то обстоятельство, что этот «серьезный роман» ставит Катю почти на одно положение с нею — на положение взрослой.

Приезд бабушки Катя расценивала как появление еще одного семейного авторитета, который, несомненно, станет против нее и Севы.

— Да, — подхватила Валентина Ивановна, — где ты думаешь положить старуху?

— Я думаю так: мать будет ночевать в комнате у Кати. Кате мы отдадим на время уголок Вовки, — и Александр Петрович кивнул головой на отгороженную ширмами часть столовой, где проживал десятилетний Вовка со своими аквариумами, клетками и огромным количеством металлических лома, накопившегося за все десять лет его жизни.

Валентина Ивановна невольно погладила Вовку по голове, тревожась за то, как примет бабушка городского внука, которого она никогда не видала.

Теперь и Вовка был огорчен, узнав, что ему предстоит допустить сестру в свой уголок, ко

всем его сокровищам. К тому же мальчик почувствовал, что взрослые не слишком рады приезду бабушки. Он исподлобья поглядывал на родителей и сказал:

— Сидела бы она лучше в своем колхозе!

— Ты о ком это говоришь?! — строго прикрикнул отец. — Сядь как следует, возьми вилку в левую руку и молчи, когда тебя не спрашивают!

Обратившись к домашней работнице, Шувалов продолжал с той же строгостью:

— Дуся, долго вы будете стоять с кофейником в руках? Принесите молоко. Всякий раз надо напоминать!

Расторопная Дуся обиженно зажала бровями, опустила кофейник на проволочную подставку и вышла. По всему было видно, что и она неприятно изволнована приездом старухи.

Когда Александр Петрович уходил на работу, он слышал, как Дуся громко делалась своими мыслями с приятельницей, которая забежала к ней из кухни этажом выше.

— И так день-деньской маешься, — громко сетовала Дуся, — все-таки своих четыре человека, да гости, да жених шляется, а тут еще старуха приедет. Откуда? Из деревни. Что, я этих колхозных старух не знаю?.. Спасибо, у нас хоть хозяйка — не копеечница... А старуха приедет, она себя покажет! У нее не хочешь, а в ровки попадешь!

Соседка вздыхала с глубокими пехлипываниями, цыркала и повторяла заученной интонацией:

— Да, да, да...

Поезд, который привез Аграфену Петровну — мать Александра Петровича, — пришел рано. Шувалов сам съезжал на вокзал и доставил на такси маленькую старуху с двумя деревенскими холщевыми мешками, набитыми всячиной.

Валентина Ивановна встретила свекровь в передней и, холодно протянув ей руку, произнесла:

— Очень рада.

Старушка по-деревенски обтерла ладонью рот и трижды поцеловала Валентину Ивановну со щеки на щеку. Шувалов тронул мать за плечо и, указывая на комнату дочери, сказал:

— Ну, мамаша, постановили мы тебя вселить в катину комнату, а Катю на время — к Вовке...

Старушка замочила голову и замахала обеими руками:

— Ничьих местов я занимать не буду, Сашенька! — тихо, но решительно сказала она. — У нас где диванчик есть или кроватка раскладная? Там я примощусь. Спать я по-стариковски: на рассвете засыпаю, на рассвете просыпаюсь. Нюша, сестра твою, говорит, что меня в сторожа надо определять в ночные при колхозных то есть амбарах...

Тут Валентина Ивановна первый раз посмотрела в глаза свекрови. Глаза были светлосерые, почти вовсе бесцветные. На первый взгляд, пронизательные, строгие, а если вглядеться, то совсем добрые и ласковые.

Вовка был уже в школе, Катя — на лекциях. Супруги позавтракали со старухой (Аграфена Петровна выпила чашку чая и пожевала кусок булки), и оба ушли по делам.

Дуся, внезапно, как Мефистофель, появившаяся во всех тех помещениях, куда водили старуху, тоже ушла в «Гастроном». Старушка, шатаясь от усталости после поезда, промась по всей квартире, открывая двери и зажимая электричество. Потом попала на кухню, обнаружила теплую воду и стала мыть посуду.

Когда Дуся вернулась из магазина, посуда была уже вымыта, сложена аккуратной горкой и прикрыта чистым полотенцем. Аграфена Петровна с лицом, просветленным от радости приятного труда, кирпичом начищала медную кастрюлю. Дуся была приятно поражена. Со всей городской церемонностью она, не торопясь, ахнула и кокетливо спросила:

— Ой, да кто ж это мне посуду всю перебрал?

— Я, дочка, я, — отозвалась Аграфена Петровна, надравая кастрюлю.

— Вот спасибо-то вам. Только напрасно вы... Я бы сама... Сейчас полтинник этот найду и комнаты пойду прибирать.

— Какой полтинник, дочка?

— При покупках, полтинник у меня куда-то пропал. Нето я его передала, нето мне его недодали.

Говоря это, Дуся испытующе глядела на старуху. Весьма возможно, что полтинник у Дуси и не пропал. Это мог быть тонкий прием для того, чтобы выяснить степень злобности приехавшей старухи.

Аграфена Петровна выдержала испытание блестяще. Услышав про полтинник, она необыкновенно сочувственно покрутила носом.

— Папун, дочка, не расстраивайся! — заявила она. — Кто денег не платил, у того только не пропадало. Да я сама сколько раз вот за хозяйскую копейку билась, а потом, смотришь, и сыщется твой полтинник.

— А вы что же, — ласково уже спросила Дуся, — в работниках тоже жили?

— А как же, моя милая, а как же!.. Пятнадцать лет в прислугах. Ну что, тебе-то хорошо здесь живется?

Окончательно покоренная, Дуся заговорила совершенно той же интонацией, что и с приятельницей своей, которая служила этажом выше.

— Особенно худого не скажу, — решительно, как приговор вынося, сообщила Дуся, — работой не дожимают. Веру имеют. И в харчах, конечно, не урезывают. Но я так скажу: за человека не очень

считают. Нет того, чтобы подделиться или у тебя спросить про жизнь, а все только: подай, прими, накрой, сходи...

Старушка уже сидела на стуле совершенно в той позе, в какой обычно сидела дусина приятельница. Тут она опустила веки и помотала головой, не открывая глаз.

— Ишь чего захотела, милая, — начала Аграфена Петровна, — мало, что они тебя за человека не считают, они дружка дружку и то, небось, редко видят. Спешка! Все у нас тут в городе так и мелькает, так и мелькает. Как вы друг друга в лицо-то признаете, я удивляюсь...

Задумчивая беседа продолжалась до самого возвращения из школы Вовки. Открывая Вовке дверь, Дуся сказала ему сварливо, будто он успел уже в чем-то провиниться:

— Небось, бабушка приехала, мог бы зайти на кухню поздороваться... Родного отца родная мать!

Вовка страшно смутился и покраснел. В кухне он появился благодаря внушительному толчку со стороны Дуси.

Но Аграфена Петровна встретила внука с такой лаской и так просто, что мальчик сразу же подставил стриженую голову под загоревшие бабушкины ладони. Дуся наблюдала за встречей с лицом церемониймейстера, который приставлен специально, чтобы предотвращать возможные нарушения этикета. Через две минуты она нашла нужным сказать:

— Ну, сказал бы что-нибудь бабушке. Показал бы ей, чего у тебя есть.

Вовка, приоткрыв рот, глянул на Дусю, а затем послушно сказал:

— Пойдем, бабушка, я тебе покажу, какие у меня есть игрушки и вуалехосты.

— Пойдем, внучек, пойдем, миленький...

Вовка показывал бабушке все свое достояние, включая и железный лом, в течение полутора часов кряду. Бабушка вежливо удивлялась, ахала, качала головой, но вопиющему требованию показать силу различных пружин, быстроту и увертливость рыбок, мягкость перьев у щегла. Когда надо было, быстро все понимала. Когда не надо было, притворялась на редкость непонятливой и тем давала возможность Вовке показать свою ловкость и сообразительность.

Потом Вовке прискулило поражать бабушку и он захотел пойти гулять.

— Дуся! Ду-у-у-у! — закричал он. — Я гулять пойду. Идем со мной!

— Мне некогда, — внушительно откликнулась из кухни Дуся, — видишь, я обед готовлю...

— Ну, я сам пойду.

— А самому нельзя. Мама что говорила? Автомобили здесь ездит... Мальчики нехорошие обидеть могут...

Поняв, Дуся страшно гремела противным, на котором она по своей инициативе покла пирос в честь приезда Аграфены Петровны.

Но Аграфена Петровна была уже в передней и, натягивая на себя черное пальто, говорила:

— Уж так и быть, я с тобой пойду, внучек, я погуляю. И так мне тебя жалко. У нас вон в колхозе мальчишки, целый день гоняют, где хотят, никого не спрашивают. Зимой по речке

на салазках, летом в лесс по ягодам ходят, по грибам...

— Одни? — недоверчиво спросил Вовка.

— А кто же с ними пойдет? Кто постарше, все на работе.

— Такие маленькие и — одни?

— И помене твоего оди ходят. Известное дело — деревня. У нас ребятам хорошо живется, не как тебе. А вот ученье кончишь к лету, просишь у родителей к мне, дескать, к бабушке в колхоз погостить. Я тебе и грибные все места покажу, и ягодные, и где орешник растет...

Вовка вышел на улицу, слушая бабушку с невероятным вниманием.

Когда Александр Петрович и Валентина Ивановна вернулись домой к обеду — часов около шести вечера, — они застали Вовку в столовой у дивана. На диване дремала уставшая Аграфена Петровна.

— Ой, что это нехорошо как, Сашенька... Вы ведь люди городские, вам бы помиче надо... Да особенно... с женою...

тронив, а Вовка безжалостно держал ее за руки и каточил:

— Бабушка, а, бабушка, а как у вас лисич ловят?

— Так и ловят, — сонным голосом отвечала Аграфена Петровна.

— А как — «так»? Ты говоришь, какими ставят?

— И какими...

— А как ставят какими?

Увидев родителей, Вовка оживленно сообщил им:

— Она мне все про колхоз рассказывала и как что ловят и как собирают. Я на лето к ней поеду в деревню, когда нас из школы распустят. Можно?

После обеда старуха пошла на кухню. Опять помогала Дусе и сидела там до вечера. Дуся громким голосом рассказывала ей всю свою жизнь.

Александр Петрович работал у себя, а Валентина Ивановна ушла в гости к приятельнице. Вовка делал уроки и каждую минуту прибегал в кухню, чтобы сообщить бабушке какое-нибудь событие из жизни их класса. Но так как жизнеописание Дуси было не подходящим для его ушей, его все отсылали назад.

Потом к Кате пришел ее друг — Сева Николаевский. Очень скоро

после этого Катя появилась на кухне и сказала смущенно:

— Бабушка, там у меня сидит один товарищ... Он с тобой хочет познакомиться. Пойдешь?

Старуха пошла очень охотно, обдернув юбку и поправив платок на голове. Войдя в комнату к Кате, она произнесла:

— Ну, здравствуй, здравствуй, голубчик. Дай-ка я на тебя погляжу... Ой, да какой ты ладный, красивый из себя... А внучку-то мою любишь, а? Ну, отвечай старухе.

Молодой человек, который перед родителями все делал вид, что его посещения носят деловой характер: то он будто бы приходил за учебниками, то приносил лыжную мазь особого состава, то заходил справляться относительно совместного посещения музея, — вдруг улыбнулся и сказал просто:

— Очень люблю, Аграфена Петровна.

— Вот мать спрашивает, когда мы Катю отдадим замуж. Говорит, что ей нравится этот Сева...

Валентина Ивановна сухо отозвалась:

— Не знаю. По-моему, Катя еще молода...

— Как же молода? — с искренним удивлением спросила старуха. — Я-то уж в ее годы... Да ты сама сколько лет зимуж выходила?

Валентина Ивановна стала прикидывать. Вышло, что разница в возрасте была не так уж велика, а главное, Валентина Ивановна вспоминала, что и на ее пути стояли почти эти же самые препятствия. Вспоминала она и то ощущение несправедливости, которое было у нее тогда. И впервые Валентина Ивановна благосклонно отнеслась к замужеству своей падчерицы.

Александр Петрович по случаю приезда матери хотел посидеть вечер дома, но через час, когда было все обсуждено и повторилось только уже высказанные ранее мысли, он надумал уйти. Валентина Ивановна сердито заметила:

— Ты бы хоть матери постеснялся!

— Почему я должен стесняться матери? — прохладно спросил Александр Петрович.

— Мне кажется... — Валентина Ивановна пыталась остаться спокойной, но ей это не удавалось, — мне кажется, что в день приезда твоей матери... да, твоей, а не моей... ты мог бы и остаться дома!

Но даже сорвавшись в гневный тон ссоры, Валентина Ивановна больше наблюдала за спектролем, чем смотрела на мужа. Она ждала, что старуха, если не словом, то хоть выражением лица обнаружит свою симпатию к сыну против нее, невестки. Но Аграфена Петровна, кряхтя, охотилась в угол, к своим мешкам, и принялась для чего-то перебирать их содержимое. А когда ссора разрослась и Александр Петрович крикнул жене что-то очень резкое, старуха, не торопясь, вышла на середину комнаты, покачала головой и укоризненно сказала сыну:

— Ой, что это нехорошо как, Сашенька... Вы ведь люди городские, вам бы помиче надо... Да особенно... с женою...

Валентина Ивановна тяжело дышала от обиды и придумывала, что бы позже ответить мужу. Поступок свежести поразил и даже тронул ее. Она почувствовала, что может прослезиться. Мелькнула мысль: «Как глупо! Еще недоставало ревности, чтобы она подумала о нас чорт знает что!»

Александр Петрович, смущенный, покинул комнату. Прозвучала пауза.

Аграфена Петровна снова обратилась к своим мешкам. Только когда хлопнула выходная дверь, — значит, Александр Петрович все-таки ушел, — старуха произнесла:

— И ну его! Ты знаешь их — мужиков: покуда его дома держат, он все на сторону глядит. А отошли ты его завтра куда-нибудь, он как припугнутый будет.

— Да, но мне скучно без него... тоскаиво... — ответила Валентина Ивановна.

— Как не тоскаиво! Что ж я сама не знаю? Иной раз целую ночь не сплю: все мужа дождаешься. Его, может, дела домой не пускают, а, может, и загулял где... И так тревожно... Все ду-

месте: а ну как обидит его кто, особенно по пьяному делу? А утром он и являлся: здравствуйте, пожалуйста, тут как тут, целый и невредимый. И даже испуганный. Такая уж наша женская доля была. Это нынче за бабу и суд заступается, и собрания, и газето, а раньше-то...

Валентина Ивановна помолчала, а потом заметила как бы невзначай:

— Видите, мама, он еще пить стал.

Лицо у старухи сделалось серьезным.

— Пить?—переспросила она.— Это худо. Что ж он, не дай бог, запойный? На работе пьет?

Предположения старухи были так далеки от того, что было на самом деле, что Валентина Ивановна вдруг стало ясно: печалиться решительно не о чем.

Валентина Ивановна улыбнулась совсем безмятежно и поспешила успокоить старуху:

— Нет, мамочка, до этого дело не доходит. Он вообще без компании и не притрагивается к вину.

Старуха вздохнула в свою очередь:

— Ну, это — что... Я было испугалась. А так, я вижу, вы хорошо живете, ладно...

Валентине Ивановне показалось, что старуха совершенно права. Действительно, жизнь шла хорошо и без особенных забот и тревог. Впрочем, она тут же заговорила со старухой о том, что вот надо послать Александра Петровича в дом отдыха—очень уж

он заработался,—купить кое-что из домашней утвари и прочее.

Александр Петрович вернулся поздно. Дверь ему открыла старуха и на вопрос, что слышно в доме, отозвалась шепотом:

— А что может быть слышно?.. Спит все.

— И Валяша спит?

— А то как же?.. Чего ей, до петухов сидеть?

Старуха, почти кокетливо поджав губы, заявила:

— Какой из меня ангел... Я вот чертям скоро достанусь на закуску...

— Ну, ну, ну, проживем еще!—отмахнулся Александр Петрович и прошел в спальню.

...Уезжала бабушка не через неделю, как предполагала, а че-

— Ну, куда торопиться? Пожили бы еще у нас!

— Нет, детки,—твердо отвечала старуха,—надо, надо и честь знать. Да и в деревню меня дожидаются. Я ведь там на дело нужна—не на безделье. А если у нас что тут не наладится, то вы сейчас—письмо ай телеграмму. Я ведь быстрая: котомку собрала и—на поезд...

— До поезда-то от вас 50 километров,—напомнил Александр Петрович.

— Это правда. Это есть. Только по другому делу мне и приезжать не требуется. Я все теперь сама знаю. Я по другому делу только что письмо напишу...

— С поклонами письмо,—отчасти иронически, а отчасти нежно сказала Валентина Ивановна,—«во первых строках моего письма...»

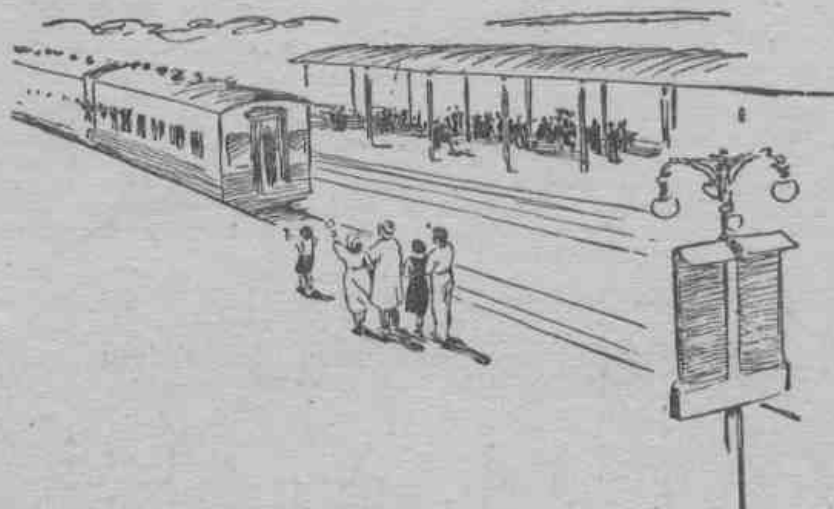
— А как же! Во первых строках, как водится, поклоны. А потом и про то пишется, какая кому есть надобность...

На перроне все немного взгрустнули, у всех навернулись на глаза слезы. Вовка откровенно плакал и сказал басом:

— Ты мне, бабушка, приходи из деревни чертеж, как у вас делают скворечники.

— Постараюсь, внучек, уж постараюсь... Но только не обещаю: не знаю, кто будет чертить...

Поезд тронулся. Все шло рядом с вагоном, пока было возможно. У окна стояла старуха. Теперь плакала она, а провожавшие улыбались.

Поезд тронулся. Все шло рядом с вагоном, пока было возможно...

— Сердилась она на меня?

— Что-то не заметила. Часов до двенадцати мы с ней поговорили—все про дела, а потом и спать легли...

— Ты у меня, мамаша, прямо ангел мира,—улыбаясь сказал Александр Петрович и обнял мать.

рез две с половиной недели, «погулявши на катиной свадьбе», по ее выражению. Провожали всей семьей. А Дуся, которая осталась дома, выбежала на улицу просто-волосая и долго махала рукой вслед машине.

По пути и на вокзале все угощали бабушку:

В кохозной столовой. Тамбовская область, Кирсановский район, колхоз имени Ленина.

Фото А. Удаль.

БУДУЩИЕ УЧЕНЫЕ

Представьте себе несколько соединенных вместе огромных дирижаблей, которые неподвижно стоят на высоте 600—700 метров над раскинувшимися в ранние города или над степью и колхозными полями.

Дует ветер, налетает буря, быстро вращаются громадные воздушные винты дирижаблей, но сами они остаются на месте и только как флюгеры поворачиваются по ветру. На дирижаблях, прочно прикрепленных стальными канатами к земле, установлена ветроэлектрическая станция. Воздушные винты дирижаблей, приведенные в движение ветром, передают энергию ветра динамомашине, которая превращает энергию в электрический ток.

Это проект советского инженера Егорова. Он выдвинул мысль соорудить огромные дирижабли, которые несли бы ветродвигатели и динамомашину высоко над селами и городами и по проводам, спускающимся вниз, давали бы им ток.

Ветродвигатель в 100 лошадиных сил на высоте 600—700 метров, где средняя скорость ветра достигает 11 метров в секунду, увеличивает свою мощность в 27 раз.

Проект инженера Егорова в научной технической литературе еще не освещен. Он лишь разрабатывается и обсуждается.

Ученик 9-го класса 64-й школы в Воронеже Владимир Нефедьев вместе с товарищами прочитал о проекте Егорова и решил построить модель ветроэлектростанции весом в один килограмм и поднять ее на дирижабле объемом в полтора кубометра хотя бы на 20 метров. Нефедьев долго изучал вопрос, произвел расчеты и в конце концов разработал с товарищами конструкцию. Она вышла достаточно удобной и простой. Модель оказалась очень интересной, и Нефедьев приехал в Москву, чтобы сделать о ней доклад на творческой конференции юных техников при Центральной детской технической станции имени Шверника.

Видный специалист-ветротехник инженер Кажинский, который присутствовал на докладе, был удивлен знанием предмета и смелостью модели воронежского школьника. Он сказал, что работа Нефедьева и его друзей — грань между сегодняшней практикой и научной фантастикой. Эту модель наш читатель сможет увидеть на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, на участке юных натуралистов.

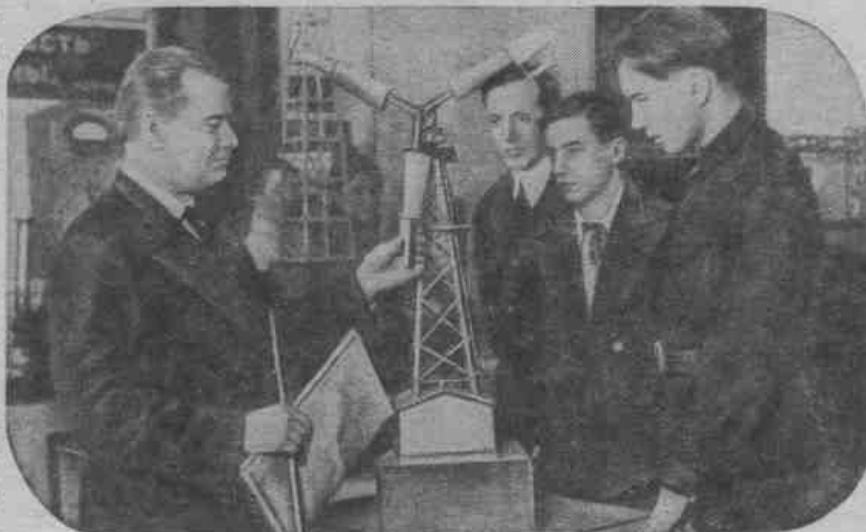
Доклад Владимира Нефедьева мало чем выделялся среди двенадцати научных докладов, сделанных на этой конференции учениками старших классов средних школ Москвы, Ленинграда и Киева.

Взять, например, доклад ученика Марка Брагинского, который представлял на конференции харьковский клуб юных исследователей Арктики. Харьковский ученик средних школ, юные полярники, много думают над техникой освоения Арктики. Недавно у них состоялся диспут по вопросам транспорта и энергетики. Все сошлось на том, что в Арктике будущее принадлежит использованию энергии ветра и силы приливов и отливов. Ветродвигатели здесь можно применять вроде того, который был на дрейфующей льдине папанинцев, только гораздо большие.

Относительно транспорта мнения разделились. Одни доказывали, что наиболее надежным средством сообщения в Арктике будет танк-амфибия, над конструкцией которого они работают, другие говорили, что их глассер-вездеход окажется более быстрым и более удобным, третьи предлагали подводную лодку, которая будет спокойно плыть под водой до места назначения, а затем, разбив лед, поднимется на поверхность. Вопрос о том, как разбивать лед, вызвал горячие споры. Ученик

Юные метеорологи высказывали мысль о том, что Советской стране вполне под силу расширить Берингов пролив, чтобы смягчить климат Арктики: теплые воды Тихого океана согреют полярные воды и помогут освоению всего северного побережья Советского Союза.

Участник конференции Марк Штейнер, ученик 10-го класса 626-й школы Москвы, делал доклад о телевидении в будущем. В области телевидения он работает уже несколько лет.

Владимир Нефедьев (справа) у модели ветродвигателя.

Юрий Поплавко показывает опыты с жидким воздухом.

А. Киселев предложил применять бури и мины, другие доказывали, что выгоднее и безопаснее растопить лед, например, электрическими нагревательными приспособлениями, установленными в обшивке подводной лодки, и браться разработать их устройство.

Большой интерес у юных исследователей Арктики вызвало сообщение о работе инженера Чижикова, предложившего снабдить ледоколы гидромонитором, выбрасывающим струю воды под давлением в 50—60 атмосфер и режущим ею метровый лед. Такой гидромонитор уже построен, сейчас строится еще более мощный. Юные полярники следят за этой работой и с нетерпением ждут ее результатов: технику освоения Арктики они считают своим кровным делом, и это их будущая специальность.

— Я надеюсь дожить до 2000 года, тогда телевидение станет цветным и стереоскопическим и будет передаваться из любой точки земного шара. Давайте же подумаем, как это может получиться, — начал он свой доклад.

Затем он рассказал историю телевидения, описал существующие советские и зарубежные установки, показал своим слушателям последний советский телевизор и перешел к проблемам, которые сейчас стоят перед телевидением. В ближайшие годы способы передачи и приема изображений должны сильно упроститься и измениться, что сделает телевидение еще более распространенным, чем кино.

В конце доклада Штейнер сделал сообщение о телевидении во Дворце Советов, для которого разрабатыва-

ются чрезвычайно интересные новые конструкции.

Московскому школьнику Сергею Малику, ученику 10-го класса 522-й школы Москвы, уже принадлежат два международных рекорда по аэрационным моделям. Теперь он строит модель самолета, управляемого по радио, о котором сделал доклад на конференции. Его содокладчик Юрий Гробовиков, ученик 10-го класса 7-й школы Куйбышевского района Ленинграда, — также авиомоделист Ленинградского дворца пионеров. Они вдвоем рассказали о развитии телемеханики и телеуправления, о том, что эта область пользуется огромной популярностью среди юных техников, многие из которых собираются посвятить себя этой специальности и уже теперь делают очень интересные модели.

Работы юных техников уже начинают привлекать внимание взрослых. В Харькове научные работники помогают своей будущей смене. Об этом ярко свидетельствует доклад Юрия Поплавко, ученика 10-го класса 44-й школы Харькова, рассказавшего на конференции о жидком воздухе и его свойствах. Жидкий воздух — вещь недоступная не только для ребят, но и для многих взрослых научных работников, если они не живут в крупном центре, где он вырабатывается. Харьковский юный физик с помощью работников Украинского физико-технического института изучает жидкий воздух и проводит с ним опыты.

Юрий Поплавко показал на конференции некоторые из этих опытов и рассказал о применении низких температур и жидкого воздуха в металлургии, в холодильной промышленности, при приготовлении взрывчатых смесей, получении кислорода, азота и благородных газов, в частности гелия. Докладчик изложил технику получения жидкого воздуха и других жидких газов и говорил о последних работах академика П. Л. Капицы, с которыми познакомился у него в институте.

Юные физики особенно интересуются техникой получения низких температур. Сложность этого вопроса не пугает их. Они знают, какое большое значение будет иметь эта область в ближайшем будущем, и еще со школьной скамьи готовят себя к работе по этой специальности.

Не только вопросы прикладной техники вроде цветной фотографии или новых видов электротранспорта, о которых также были прочитаны доклады на конференции, волнуют юных техников. Теория их интересует не меньше, и есть среди них такие, которые хотят посвятить себя чисто научной работе, даже без перспектив быстрой реализации своих работ. Таковы были, например, докладчики об естественной и искусственной радиоактивности: Вера Кулеченко, ученица 9-го класса 497-й школы, и Роланд Хоецкая, ученик 9-го класса 502-й школы Москвы.

Вопрос о том, какое применение в жизни себе найти, перед советскими школьниками не стоит. Школа, учебные кружки, детские технические станции, дома и дворцы пионеров помогают им найти себя еще в юности. Они учатся мечтать и сочетать свои мечты с теми запросами, которые ставит перед ними жизнь.

Это будущие ученые, творческий ум которых хватает на самые животрепещущие и многообещающие вопросы науки и техники. Их много в каждом городе, чуть не в каждой школе. Их направленность, серьезность, умение мечтать отнюдь не случайны. Это результат внимания, которое уделяет страна детям, помощи взрослых и всей советской системы воспитания.

БОЕВЫЕ ТРОФЕИ

Фото Е. Микულიной

«Красная Армия в боях за неприкосновенность границ СССР» — так называется открывшаяся в Москве выставка боевых трофеев.

Японская пушка и финский танк, замаскированный белой краской, — два красноречивых экспоната, открывающих своеобразную повесть о доблести красных бойцов.

Пушка, собственно, не японская, а русская. Боевой трофей японцев в Порт-Артуре. Через тридцать пять лет японцы мо-

Танк тоже не финский. Это французский танк «Рено», боевой трофей, взятый в бою на финляндском фронте.

Финский автомат-пистолет системы «Суоми».

...Перед нами трофеи Хасана и Халхин-Гола. Их великое множество: современные пушки, пулеметы, зенитные орудия, автоматы и т. д.

— Грубая работа, — говорит молодой артиллерист, разглядывая японские гранатометы.

Назначение огромного бамбукового шеста также известно артиллеристу: этим шестом японцы подтачивали мины под наши танки.

Вот из этого револьвера стрелял японский офицер. Мы видим его щегольскую накидку, веер, зонтик, портсигар. С любопытством рассматриваем парашют, шлем японского летчика, нагрудный панцирь, которым он надеялся предохранить себя от смертоносной меткой пули красного стрелка.

Остатки броневго колпака смотровой вышки финского ДОТ.

дернизировали пушку, поставили ее у реки Халхин-Гол, чтобы стрелять по «русским». Но время на перемену не нашлось. Не успев, кажется, дать первый выстрел, пушка была вместе с другими орудиями захвачена Красной Армией.

У входа на выставку «Красная Армия в боях за неприкосновенность границ СССР». На переднем плане — трофейные орудия.

Жалко выглядит солдатская амуниция. Тут же выдержка из дневника японского солдата:

«...Все смеялись, что уже готовы места погребения. Душа солдата действительно стала печальной. ...Куда бы ни сунулся, нигде нет спасения, везде падают снаряды. Спасение видишь только лишь от бога».

«Спасение» здесь, под стеклом. Это маленькие иконки, якобы предохраняющие от пуль, снарядов и штыковых ударов. Рядом с иконками небольшая книжечка — словарь. Страница открыта на следующих словах: «Выскажи всю правду, а то тебя расстреляют. Ты подвергнешься пытке. Ты предпочитаешь смерть?»

— Я предпочел бы смерть! — отвечает молодой, краснощекий пехотинец, рассматривая экспонат.

— Я тоже! — грозно нахмурился брови, заявляет десятилетний мальчик.

У витрины с документами стоит высокий человек с мужественным лицом. Это участник боев у Халхин-Гола, Герой Советского Союза Иван Степанович Мясников. Он подал заявление о приеме в партию перед атакой. Партеобращение происходило под ураганным огнем противника. Пал ротный командир. Комвзвод Мясников взял на себя командование. Был ранен. Раненый, снова двинулся в бой. Он четыре раза ходил в ата-

Показной блеск — дух панской Польши. Об этом говорят и трофеи, захваченные в боях с белополяками.

37-миллиметровая шведская противотанковая пушка, захваченная в боях с финской белогвардейщиной.

ку. Виртовка выпала из рук, когда он потерял сознание, получив девять ран. Сейчас Иван Степанович учится в Военной академии РККА имени Фрунзе.

Залитое кровью письмо героически погибшего в боях за освобо-

Металлический шлем финского солдата, пробитый пулей советского снайпера.

ждение трудящихся Западной Украины и Западной Белоруссии комсомолец Гутников заставлет биться сердца посетителей выставки.

«... За родину, за Сталина я не пожалею своей жизни», — этими словами заканчивается письмо.

Трофеи, захваченные в освободительном походе Красной Армией на запад, чрезвычайно выра-

зительны. На польском знамени, взятом 52-й стрелковой дивизией в бою под Шацком, золотыми буквами вышиты слова: «Гонор и отчизна». На эфесе офицерской шпаги выгравировано: «Я не поспрашу земли, откуда наш род». На генеральской шапке — персидской, с клинком дамаскской стали — нет фальшивых слов. Но зато она отделана фальшивыми бриллиантами!

Показной блеск — вот дух панской Польши и ее армии. Хвастливые слова, ослепительные кунтуши, конфедератки — это свое. Оружие — чужое. Французские и английские пушки, винтовки, патроны.

На белофиннов англо-французские капиталисты уповали не меньше чем на польских панов и снабжали их добротными танками, орудиями, минометами, минами, автоматами, пулеметами. Финская белогвардейщина собралась для борьбы все свои силы в яростной ненависти к Советскому Союзу. Некий белофинский «герой» нарисовал на своей каске череп. Но пуля советского снайпера пробила и каску и голову «посетителя смерти» — зарвавшегося белогвардейца.

Обломки бронзового копака ДОТ также говорят о тщете надежд финской белогвардейщины. Рядом бесформенная масса бетона с развороченными железными прутьями.

На месте ДОТ огромная ворон-

ка. По бокам ее утомленные, но счастливые люди. Два гармониста растянули гармоники. Как не поиграть им, не повеселиться после победы над врагом!

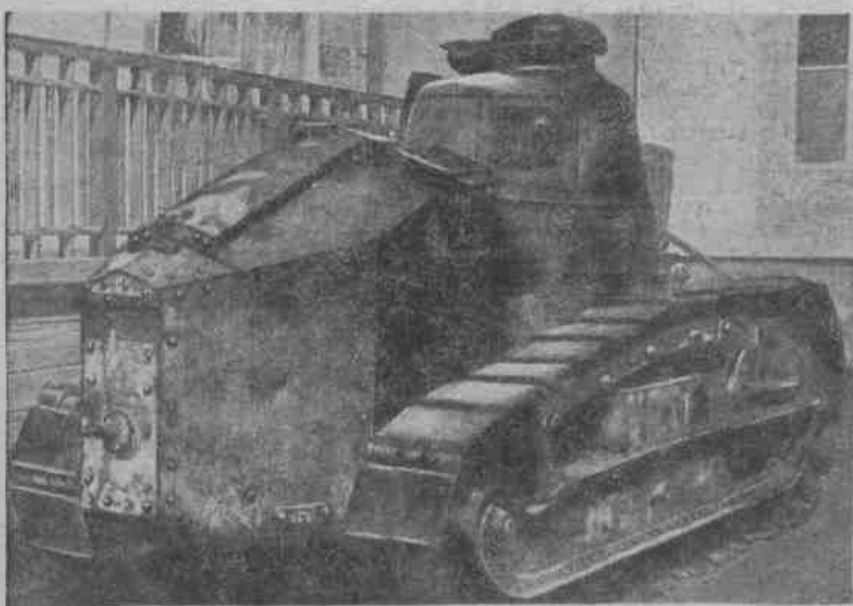
...Осмотр выставки закончен. Вы снова проходите мимо японской пушки и финского танка. Вы про-

должаете думать о виденном, о слышанном, думаете о материальной силе и мощи духа Красной Армии.

Вас волнует чувство, которое сложно и глубоко. Это — чувство любви к своей родине, чувство гордости советского человека.

На площадке перед навильоном выставки. Посетители осматривают экспонаты.

Французский танк «Рено», взятый в боях с белофиннами.

Трофеи, захваченные Красной Армией в боях у Халхин-Гола в 1939 году.

Б. Емельянов Явление природы

РАССКАЗ

Подул ветер. Низкая тучка, набежавшая на солнце, поползла вбок, песок на той стороне реки пожелтел и брызнула искрами, а на воду вдруг словно кто высыпал целый мешок маленьких серебряных гривенников.

Стало жарко и душно.

— Погодка! — сказал дедушка Захар, прикладывая ладонь к глазам. — Погодка, говорю, Семен Егорыч. Жереху самый ход.

Семен Егорыч Волков, недавно присланный в Уральск врач, вытер потный лоб и покосился на старика. Три часа уже сидели они под высоким городским яром.

— Погодка, да! — сказал он. — Градусов пятьдесят. И не клеветничего. Пойдем домой, дедка. В этой реке только шиши ловить.

— Шиши? Какими-то шиши? Говоришь что, не пойму, Егорыч. Куда те домой? Говорю, жерехам самый ход.

— Ход, ход, — передразнил деда Семен Егорыч. — Шишам ход. Вот этаким.

И Семен Егорыч ловко с вывертом сделал шиш из трех пальцев.

Дед не успел обидеться: лесу потянуло вниз, и он высоко и сильно рванул удилице. На солнце, как лезвие топора, блеснуло серебряное тело рыбы. На взмахе крупный жерех сорвался с крючка и запрыгал на узкой полоске песка.

— Держи, Егорыч! Держи, уйдет! Хватай!

Семен Егорыч ружнул всем туловищем на мокрый песок, вдавил в него жереха и, осторожно запуская руки под себя, наконец, ощутил под пальцами добычу.

— Рыбца, — сказал он умиrotворяюще, — ничего рыбца.

— Говорю, самый ход. Стариков слушать надо. А ты кукиши кажешь. Река ему не по нраву пришлась. Ты реку такую первый раз в жизни видишь...

— Ну уж!

— Слушай, когда говорят. Река эта по рыбной части на всем свете первая. Ура! — дед выкрикнул слово, как кричат «ура», — нутужно и лихо. — Против этого места белуга была поймана на сто пудов. Понял?

— Ну уж и на это?

— Слушай, когда говорят, — вошел в азарт дед. — В этой ятвой одной рыбы больше чем у тебя книжных букв во всей голове.

— Ну уж...

В воде, рядом с концом удилицы Семена Егорыча, развернулась пружинкой, сверкнула белая молния, и удилице, выдернутое из рук Волкова, попало вверх по реке.

— Рыбак... — упавшим голосом сказал дед. — Разиня... — и сразу закричал: — Лови! Держи! Ле-

карь! Подыхать буду, к такому дураку не пойду...

Но лекарь уже бежал берегом, на ходу сбрасывая с себя рубашку. По счастью, рыба шла вдоль яра. Семен Егорыч кинулся в воду. Жерех, напуганный шумом и плеском, рванулся в сторону и в глубину, удочка стала стойма, как поплавоч, и потом со свистом вычертила на воде узкий след.

Минуты три Семен Егорыч упорно колотил руками и ногами. Намокшие штаны затрудняли движение, быстрое течение сносило его назад.

Злой и измученный, он повернул к берегу. И вдруг на полоске песка, что тянулась под яром, шагах в десяти от себя, он увидел... крокодила. Это был самый настоящий крокодил, с хвостом, головой и лапами, с обыкновенным, скучным выражением морды.

Когда он вышел сюда из воды? Волков даже поднял руку протереть глаза, в которые нестерпимо било солнце, но пусти пузыри, ноги его потянулись вниз и ощутили холодную родниковую струю. Семен Егорыч ползла вдоль яра вниз, наконец, мимо...

— Рыбу пугаешь, чорт! — закричал дед.

Но Семен Егорыч ничего не слышал и только на берегу, увидев спокойное лицо деда, почувствовал, как от солнца льется тепло и как, медленно поворачиваясь, мир становится на свое место.

— Дед, крокодилы! — сказал он. — Крокодилы, дед!

— Где? — спросил старик деловито.

— Вон там, — показал рукой Волков.

И дед Захар увидел. Холщевые его выгоревшие штаны внезапно мелькнули у Волкова перед глазами. Старик нетухом взвился на яр и в одно мгновение оказался над маленьким песчаным мыском, где спокойно лежал небольшой, двухметровый крокодиленок. Разглядывая его дед недолго. Так же быстро он очутился опять рядом с Волковым. Лицо деда сияло восторгом и счастьем.

— Что, — сказал он, поднимая вверх палец, — что я тебе говорил, неверующая твоя душа! Во всем Союзе река эта по рыбной части первая...

— Крокодил же откуда, дед?

— Тыфу! — рассердился старик. — Белуга, тебе говорю, на этом месте была поймана на сто пудов. На сто! — повторил он раздельно и торжественно. — Рыбина, гам, — и нет твоего крокодила! Понял?

— Понял, — сказал Волков нетвердо.

— То-то ж! Пытать надо его, зверя, — сказал дед Захар. — Кузачий он, а?

— Кузается, — сказал Волков. — Раз — и ноги нету!..

— Ишь ты! Руками, стало быть, не возьмешь? Ах! попытаемся?..

— Очумел ты, дед, — сказал Волков. — Он человека пополам перекусить может. Его пулей — и то убить трудно.

— Все равно пымаю, — сказал дед упрямо. — Велика штука! Стой, караул, Семен Егорыч, побегу за народом. Мы его, идола, в мешок возьмем.

И, не дав Волкову сказать слова, дед снова взвился на яр и исчез.

Прошло минут двадцать. Семен Егорыч закурил папиросу, влез повыше, на горбатый склон берега, и стал глядеть по сторонам. Недалеко, шагах в двухстах, высокий Уральский яр шел на убыль, и там, где деревья Переломной роши вплотную подходили к воде, начиналась широкая песчаная коса. Из-за этой косы вылетали ходом две узкие казачьи будары. На передней сидело три человека, на задней — один. Деда Волков узнал сразу.

— Наш будет! — кричал он подпавшая. — Наш! Знай уральских казаков! Егорка! — закричал он кому-то в первой лодке. — Вон он, видишь? Распускай невод.

— Вижу, — отвечал с первой будары, очевидно, Егорка — высокий худой старик с бородой еще длиннее чем у деда Захара. — Вижу! Мотри, какая зараза!

— В два раза пускай, — командовал дед. — Прорвет! Низ к берегу подавай ближе! Заходи подальше! Не пужай!

На яру остановились проезжавшие мимо телеги. С возов слезли два парня.

— Гляди, Гришка! — сказал один. — Чего сюда рыбаки метнулись? Тянут на яр. Песка им мало!

— Гражданин! — наклонился Гришка к яру к Семену Егорычу. — Кого ловите?

— Крокодила ловим, — ответил тот, чувствуя уже, как азарт предстоящей необыкновенной охоты охватывает его мелкой дрожью.

— Вре...

Гришка не кончил: и он увидел крокодила. Парней как слало с яра вниз.

— Ребята! — кричал им дед Захар с будары. — Товарищи! Не толкайтесь без дела. Возьмите по дрыну и станьте с краев. Не ушел бы по сухому зверь-то... Да вы не пужайтесь: он махонький.

— Знаем мы таких махоньких, — ответил Гришка басом, но потом отчаянно махнул рукой и, выдернув кол, побежал к правому краю невода. Подъехало еще несколько возов. Ко времени, когда были закончены все приготовления к облаве, на берегу собралась порядочная толпа.

— Бывают на свете гады, — говорила женщина, державшая на веревочке козу, растерянно вздыхая и оглядываясь.

— Не может быть! Чучело это, — возмущался человек в пыльнике из брезента. — Народ обманывают. Не верю!

Но «чучело», напуганное шумом и криком, разинуло пасть и сделало несколько быстрых, расползающихся шагов к воде.

— Подхватывай! — заорал дед Захар. — Не тушуйся, Егорка, выбирай на берег!

Поплавки невода дрогнули и потянулись ближе к яру.

— Семен Егорыч! — кричал дед. — Пихай его, чорта, в воду, пихай!

Волков бросил в крокодила горсть мелкой гальки. Камни попали в воду перед мордой зверя, вода зашипела, а крокодил боком подавался опять к песку.

— Пихай, говорю! — возмущался дед, поставив будару вплотную к берегу и быстро выбирая свой край невода. — Чего зверя пугаешь! Уйдет, на тебе весь ответ будет.

— Сам пихай! — кричал Семен Егорыч. — Чем я его пихну? Носом?

Край яра не выдержал тяжести надвинувшихся на него зрителей, и прямо на крокодила вместе с человеком в пыльнике и двумя нивест отсюда взявшимися мальчуганами рухнула глыба песка. Толпа ахнула. Семен Егорыч зажмурил глаза. И тут же дед Захар услышал, как рвануло невод...

— В мотне! — крикнул Егорка.

На помощь к рыбакам кинулись люди с берега. Крокодил, запутавшись всеми лапами в мелких ячейках невода и намотав на морду несколько аршин сети, быстро успокоился, и его легко вытащили на берег.

— Тоже мне зверь, — пренебрежительно сказал дед Захар. — Мозгля. Разговору много — дела чуть...

— Не может быть, — говорил Волкову человек в пыльнике, отряхиваясь и отплевываясь, — не может быть такого явления природы в здешней местности.

— Вот вам и не может быть, — отвечал Волков, — вот вам и зоология и Брем.

— Безусловно, научное открытие, — сказал подехавший на велосипеде бухгалтер с мельницей. — Куда же вы его теперь денете?

— В милицию поскакали, — сказал Егорка, поглаживая бороду. — Зверь нахальной, хуже утопашника.

От города галопом неслись два верховых.

Начальник милиции соскочил с лошади в самую толпу:

— Где он? Где?

— Вон он, — сказал Волков, показывая на мокрую гору невода, в которой и не видно было страшного крокодила.

— Поймали беглеца? Триста рублей премии.

— Какого беглеца?

— Из оренбургского зверинца упала, купать возили. Телеграмма у нас получена.

— Упала? — разочарованно сказал Волков.

— Я говорил, — завопил человек в пыльнике. — Я говорил, в здешней местности быть не может!

Дед Захар уничтожающе оглядел его с головы до ног.

— Еще один выискался, — сказал он. — Белуга против этого места была поймана на сто пудов. Понял? А триста рублей кому? Тебе, что ли, дать?

Толпа с уважением молчала.

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ С РЕЗЦОМ

Среди советских скульпторов старшего поколения одним из виднейших мастеров является Леонид Владимирович Шервуд. Недавно Ленинградский союз советских художников и другие общественные организации отметили пятидесятилетие его художественной деятельности.

Леонид Владимирович Шервуд родился в Москве в 1871 году в семье художника. Он окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества и, переехав в Петербург, поступил в Академию художеств.

Начало занятий молодого скульптора в Академии (1893 год) совпало с концом старого, ложноклассического направления. Однако академизм был еще силен, и его деспотическое воздействие Шервуд немедленно испытал на себе, когда сделался учеником В. А. Беклемишева.

Вместе с А. С. Голубкиной и С. Т. Коненковым Шервуд образовал группу «протестантов», прозванных Беклемишевыми «беспокойными москвичами». Дело дошло до того, что Беклемишев отказался участвовать в обсуждении конкурсной работы Шервуда («Хан и невольница»). Зато с большим сочувствием отнесся к Шервуду Репин.

Кончив в 1898 году курс Академии художеств, Шервуд в следующем году получил командировку в Италию. Он побывал в Венеции, Флоренции, Милане, после чего поехал в Париж, где сначала занимался

«Угольщик». 1895 год.

ся в академии Жюльена, а затем стал учиться у Родэна и у его помощника Бурделя.

В 1900 году Шервуд вернулся в Петербург.

Принципы Родэна были близки творческим устремлениям Шервуда; основной задачей скульптора стало выразительное сочетание пластической формы с психологической сущностью модели. В поисках пластической экспрессии Шервуд охотно обращался к аналогиям в стихийных явлениях природы. По его признанию, образ Пушкина связывался в его представлении со стихийным пламенем; «пламенность» Пушкина, воле-

«Пушкин». 1902 год.

вое его вдохновение составляют основную мысль скульптуры, созданной Шервудом в 1902 году.

В 1904 году скульптор исполнил памятник Глебу Успенскому, установленный на литературских могилах Волкова кладбища. Облик Успенского в передаче Шервуда прост и человечен.

Наряду с портретными работами и монументами (памятник писателю Гарину-Михайловичу, бюст педагога Бунакова, памятник адмиралу Макарову в Кронштадте) Шервуд исполнил немало декоративных скульптур для фасадов зданий, построенных архитекторами Лидвадем, Щусевым, Косяковым и другими. Он участвовал также в ряде конкурсов: на памятники Комиссаржевской, Шевченко и др.

В первый год советской эпохи скульптор был привлечен к участию в задуманной В. И. Лениным «монументальной пропаганде»: им был исполнен бюст Радзиевского для Москвы и бюст Герцена для Петрограда, кроме того ему был заказан проект памятника декабристам (неосуществленный).

Ведя педагогическую работу в Академии художеств, Шервуд энергично борется с «левыми» течениями в искусстве, с формалистическими крайностями, с беспринципным и безидейным «шовинизмом». В своей мастерской он строго проводит метод реалистической трактовки натуры, одновременно стремясь развивать в учащихся чувство ритма и объемных пропорций.

Оставив в 1926 году профессию (позже Л. В. снова ненадолго вернулся к ней), Шервуд целиком посвящает себя производственной практике: он исполняет надгробный памятник археологу Тищенко, бюст Менделеева, бюст полпреда тов. Войкова, ряд работ, заказанных ему Музеем революции и Коминтерном (среди них бюсты И. В. Сталина, Рооса Люксембург, А. В. Луначарского). К пятнадцатой годовщине РККА Шервуд вылепил монументальную фигуру «Часовой», воплощающую военную мощь Красной Армии. В фигуре часового Шервуд сумел дать выразительный образ, доказывающий, что экспрессия доступна не только «классической наготе».

К числу недавних работ Л. В. Шервуда относится группа «С. М. Киров

и Графтио на Сапрыстрое», бюст Меникова, фигура «Тяжелая промышленность».

В этих работах Шервуд сумел преодолеть импрессионизм, преобладавший в его ранних произведениях: поиски большого реалистического образа, отражающего величие эпохи социализма, принесли его к углубленной проработке каждой детали задуманной скульптуры.

Для творческой личности Л. В. Шервуда характерны подлинный демократизм, неустанная пытливость мысли, напряженная целеустремленность. Скульптор-мыслитель, Шервуд — в то же время скульптор-гражданин, пре-

Леонид Владимирович Шервуд.

Автолитография Н. Павлова

давший сын великой социалистической родины.

«Часовой». 1931 год.

Ю. Пригожин

МОЛОДЫЕ ФОТОМАСТЕРА

Обе эти выставки фоторабот открылись почти одновременно: одна — Владислава Микоша — в московском Доме кино, другая — Сергея Струнникова — в Центральном доме журналиста.

Два молодых фоторепортера представили нашей общественности свои творческие отчеты. Обе выставки говорят о росте советской фотографической молодежи.

И у В. Микоша и у С. Струнникова много общего. Их творческие поиски овеяны романтикой, к которой равнодушен каждый молодой человек в нашей стране.

Сми штурмана дальнего плавания, рано потерявший отца и воспитывавшийся в семье чехиста, В. Микоша работал грузчиком, плавал матросом. С детства развилась страсть к увлекательным странствованиям, к морю, к природе нашла свое отражение в творчестве молодого автора позднее, когда он по окончании Института кинематографии стал оператором, а затем фоторепортером.

С. Струнников юншей расклевывал плакаты в кинотеатре. Его увлекла профессия оператора, и он поступил в кинотехникум. Потом служба в Красной Армии и бесповоротное увлечение фоторепортажем.

Эта привязанность к фоторепортажу и у В. Микоша и С. Струнникова, людей, горячо любящих свою родину, не случайна: профессия фоторепортера давала им возможность лучше узнать страну, быстрее откликаться на события.

Владислав Микоша.

В ста двадцати работах, экспонированных на выставке, В. Микоша развернул перед зрителем свое незаурядное мастерство.

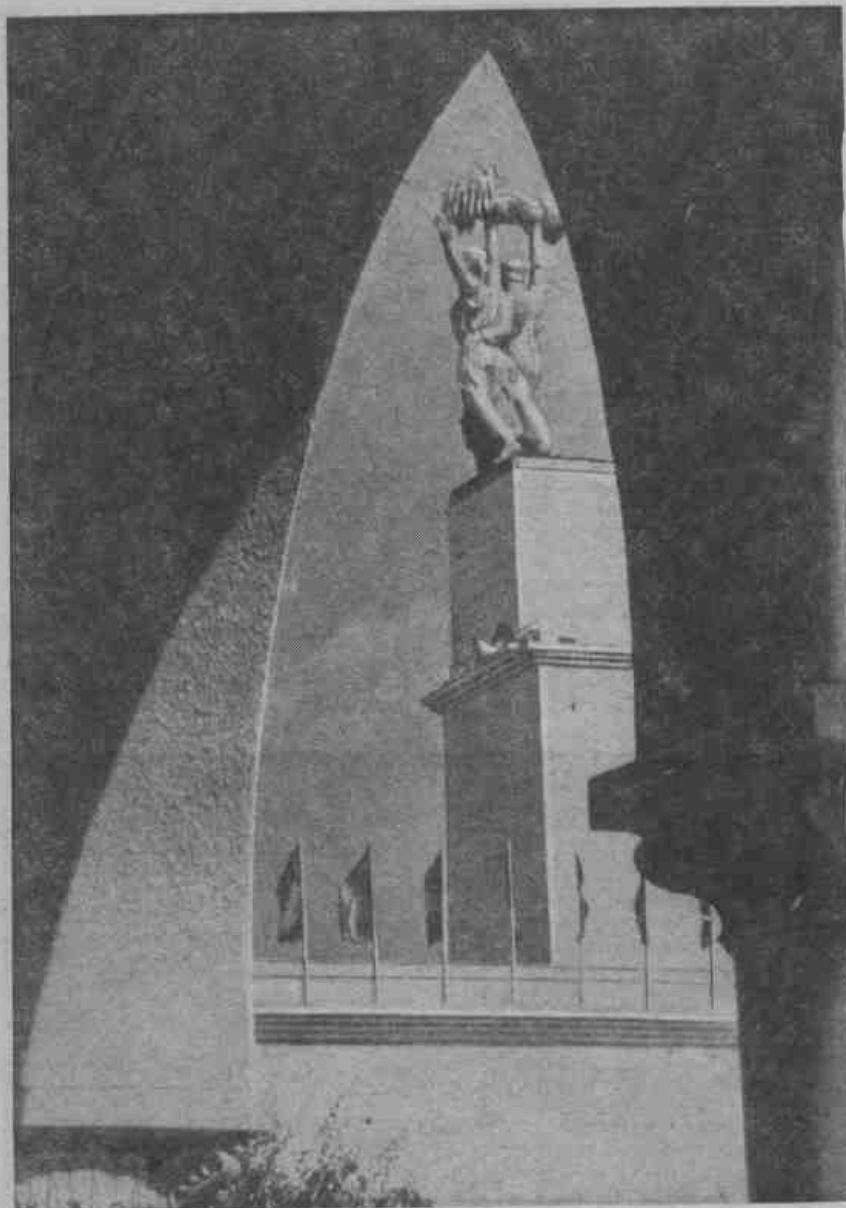
Арктика и социалистическая индустрия, Всесоюзная сельскохозяйственная выставка и спорт, бытовые зарисовки и пленительный русский пейзаж — во всех этих работах отражена художественная индивидуальность молодого мастера, умеющего талантливо находить свежие средства изображения.

Поиски формы, отвечающей богатству содержания, стремление преодолеть штамп, склонность к живописности изображения, смелое владение палитрой светотеней, лиризм — таковы основные черты работ В. Микоша.

В самом деле. Посмотрите на «Мавзолей зимой» или на работы, посвященные Магнитогорскому металлургическому гиганту. Какая в этих работах строгость, как превосходны они по своей живописности!

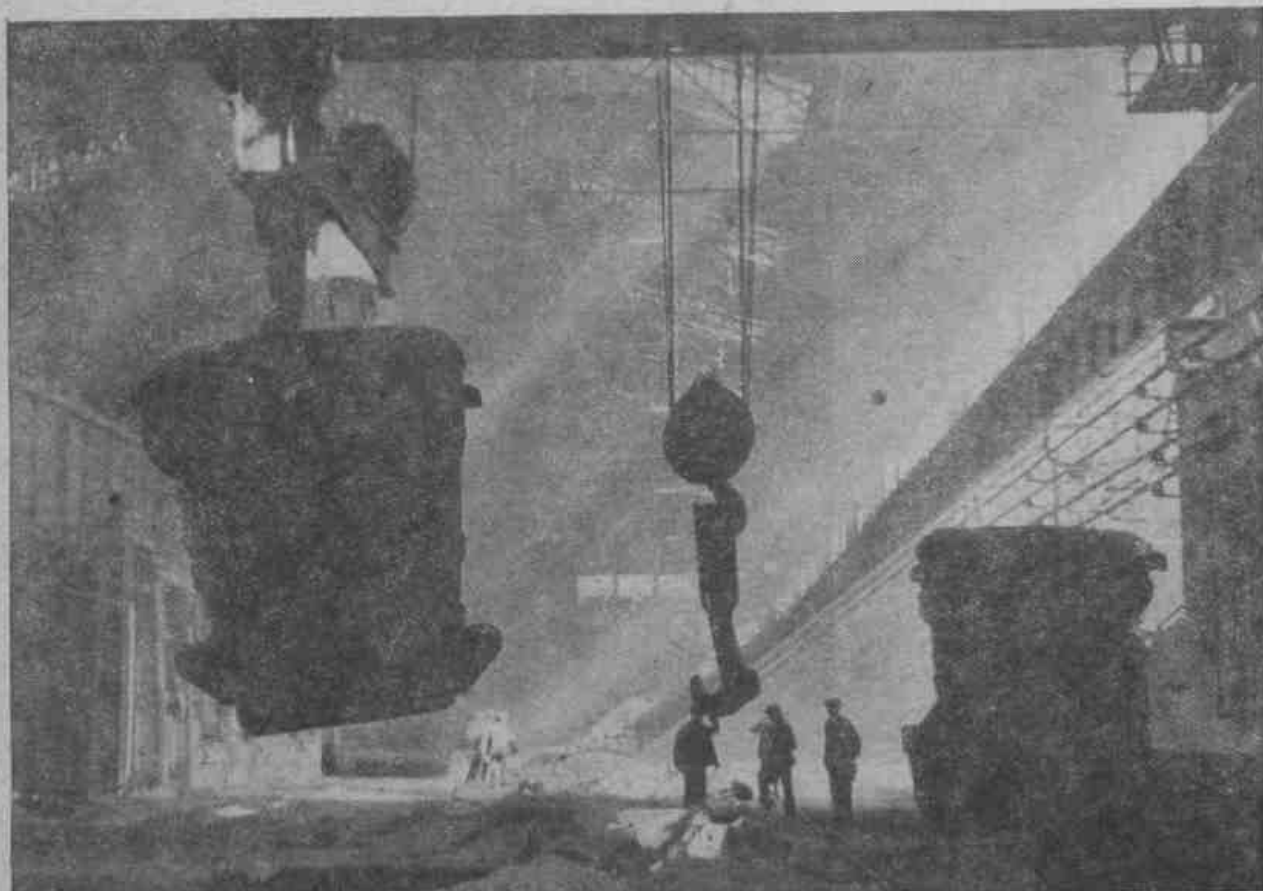
Сколько пленки израсходовано на показ Всесоюзной сельскохозяйственной выставки! Однако немногие фотомастера могут блеснуть высоким качеством произведений на эту тему. Работы В. Микоша, посвященные ВСХВ, композиционно безукоризненны. Даже в этюдах и фотографических фрагментах они раскрывают не только архитектурное богатство Выставки, но и ее содержание.

Сам страстный спортсмен, В. Микоша создал ряд художественно зрелищных работ на спортивные темы, отличающихся большой наблюдательностью. Таковы «Хоккей», «Нокаут», «Конькобежцы» и другие. Его снимки на эти темы передают самую атмосферу спорта, зритель, как бы видя за пределами стадиона, ринга, ледяной дорожки, на которых происходят состязания, тысячи напряженно следящих глаз «болельщиков».

Архитектура на ВСХВ (фрагмент).

Фото В. Микоша

Магнитогорский металлургический комбинат имени Сталина. Мартеновский цех.

Фото В. Микоша

Особо следует сказать о цветных работах В. Микоса. Цветная фотография — область новая. Здесь еще только прокладываются первые тропинки. Но и среди немногочисленных пока энтузиастов цветной фотографии В. Микоса выгодно выделяется своим тонким восприятием красок. Он успешно овладевает цветовой композицией. Такой фотозюд, как например «У пруда», радует жизненностью, теплотой красок, лишенных хо-

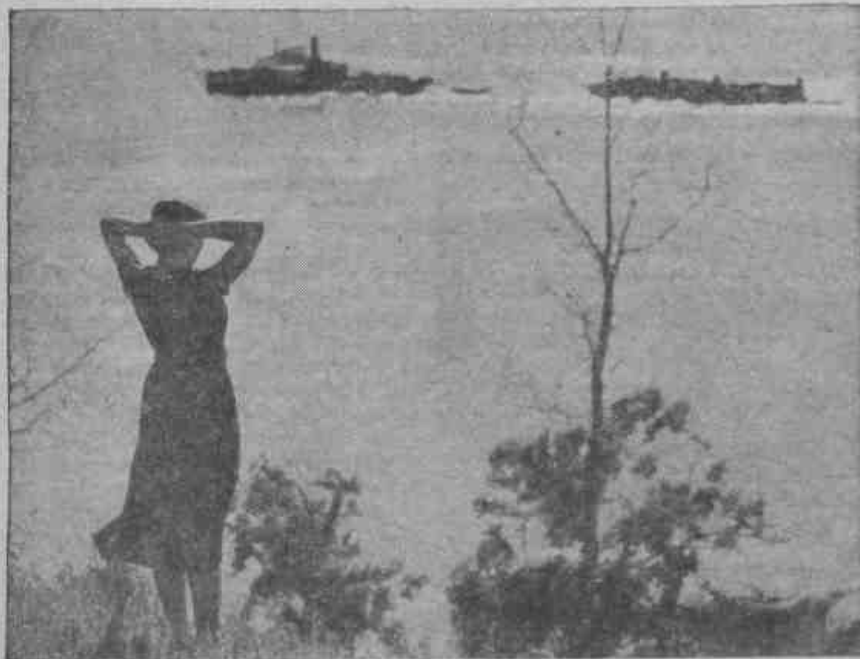

Сергей Струнников.

лодности, свойственной еще большинству цветных работ.

Иной подход к материалу, иной «почерк» у другого молодого фотографа — С. Струнникова. В его работах больше уравновешенности, больше созерцательности, хотя тематический диапазон его даже шире чем у Микоса. Струнников побывал и в Арктике и во многих республиках Советского Союза. За 10 лет он собрал значительный фотодокументальный материал, дающий представление о характере работы советского фоторепортера.

На выставке у С. Струнникова есть ряд безусловных творческих удач. К ним относятся снимки, посвященные Арктике («Красин» во льдах), прекрасная по своей простоте и выразительности работа «В испанской школе». Композиционно находчиво сделаны «Кубачинские школьницы». У автора есть и несколько запоминающихся портретов.

На берегу Волги.

Фотозюд В. Микоса

Арктика. Ледокол «Красин» в торосистых льдах.

Фото С. Струнникова

С. Струнников порадовал зрителей также несколькими пейзажами, сделанными им во время поездок по Грузии, Дагестану, Армении, Таджикистану...

В. Микоса и С. Струнников, впервые выступившие с персональными выставками, показали себя вдумчивыми, наблюдательными, культурными фотографами.

Несхожие по своим творческим устремлениям, по-разному владеющие художественными средствами, они одинаково остро любят свою беспокойную и романтическую профессию, связывающую их повседневню с героикой социалистического строительства, с людьми великой, сталинской эпохи.

Комсомолка-чувашка.

Фото С. Струнникова

Н. В. СТАНКЕВИЧ

(К столетию со дня смерти)

Улицы Герцена, Огарева, Белинского, Грязовского, Станкевича... Все они в центре новой, советской Москвы, как бы облегают район Университета. Москва собрала эту блестящую плеяду в том самом месте, с которым более ста лет тому назад была связана их памятная деятельность. Все они своими литературными и научными трудами оставили глубокий след в истории нашей родины.

Судьба одного из них — Николая Владимировича Станкевича — не совсем обычна. Он не оставил после себя сколько-нибудь значительных литературных или научных работ, но в то же время оказал крупное влияние на развитие русской литературы и науки. Станкевич сыграл большую роль в жизни и духовном развитии таких выдающихся представителей русской культуры, как В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский, И. С. Тургенев.

В 1830 году Н. В. Станкевич поступил в Московский университет. В атмосфере гнетущей реакции режима Николая I тогда едва намечалось оживление общественной жизни. Оно сказалось и в среде московского студенчества. Среди молодежи возникли кружки, шли горячие споры о судьбах родной страны, народа, его культуры. Острые критики направлялись против литературно-философских взглядов крепостнического общества. Два человека явились руководителями этих кружков. То были А. И. Герцен и Н. В. Станкевич.

Уже один состав кружка Станкевича определяет его роль в истории русской общественной мысли. Рядом с Николаем Владимировичем мы видим В. Г. Белинского, К. С. Аксакова, историка С. Строева, поэтов И. П. Ключникова и В. И. Красова, филолога Я. Неверова, В. Боткина. Затем в его состав вошли Т. Н. Грановский, поэт Кольцов, И. С. Тургенев, по некоторым сведениям, М. Ю. Лермонтов. Эту группу лучших представителей тогдашней интеллигенции теснейшим образом сплачивала личность самого Станкевича. Его блестящие, остроумные беседы на литературные и философские темы бывали чрезвычайно увлекательными, полны большого содержания и во многом заменили молодежи университетские лекции. В результате собеседований и изучения передовых философских течений зарождались те самые мысли, которые потом находили свое воплощение в литературных трудах членов кружка.

Вначале кружок Станкевича состоял из одних студентов. Но и по окончании университета члены его продолжали сохранять тесную духовную связь, превратив свое общество в умственный центр, оказывавший через литературу и университетское преподавание огромное влияние на развитие русской культуры.

Основные интересы кружка Станкевича сосредоточивались вокруг вопросов литературы, искусства, философии. Сам Станкевич, несмотря на свою молодость, был человек с развитым эстетическим чутьем, прекрасно знал не только отечественную, но и французскую, немецкую литературу. Кружок Станкевича в области искусства, особенно театра, вел борьбу

за реализм, за приближение литературы к жизни. Под влиянием Станкевича В. Г. Белинский написал свою первую известную работу — «Литературные мечтания». Кольцов (вообще выдвинутый Станкевичем) — свои многочисленные философские стихи.

Давая характеристику эпохе 30-х годов, Н. Г. Чернышевский писал о кружке Станкевича, что это был «благороднейший и чистейший эпизод истории русской литературы». Чернышевский указывает, что «из тесного, дружеского кружка, душой которого был Н. В. Станкевич, вышли, или впоследствии примкнули к нему, почти все замечательные люди, которых имена составляют честь нашей словесности, от Кольцова до Тургенева».

В 1834 году Станкевич окончил университет. На время он вернулся на родину в Воронежскую губернию, намереваясь подготовиться к защите диссертации на звание магистра истории. Тогда же он сделал попытку принять участие в культурной жизни своего родного города. По собственному желанию он был избран попечителем Острогожского уездного училища. Станкевич решил внедрить новейшие методы преподавания, собрался написать учебник истории для начальной школы, а главное — решительно бороться за уничтожение телесных наказаний учащихся. Но в тогдашних условиях из всех этих планов ничего не вышло.

В 1835 году Станкевич вернулся в Москву. В жизни кружка наступила эпоха наиболее интенсивной деятельности. Белинский в это время занялся редактированием журнала «Телеграф» и сразу превратил его в подлинный орган кружка. «Мы всегда будем», — писал Станкевич, — «обществом совещаться о журнале». В одном из первых номеров Станкевич поместил большую переводную работу — «Опыт о философии Гегеля».

В разгар неутомимой работы Станкевич тяжело заболел туберкулезом легких. В 1836 году он уехал лечиться на Кавказ, но результаты лечения были плачевными. Станкевич поспешил вернуться в Москву, где положение его многим казалось безнадежным. В таком состоянии в августе 1837 года он был увезен загра-

ницу, сначала в Карлсбад, а затем в Берлин.

Новая обстановка благотворно действовала на больного. Едва поправившись с постели, Станкевич сразу приступил к научным занятиям. Он слушал лекции известных немецких ученых — Вердера, Ранке, Ганса. Он даже изучал сельское хозяйство, желая и в этой отрасли быть впоследствии полезным своей родине. Жизнь в Германии, где общественность имела тогда больше простора, заставила Станкевича многое пересмотреть в своих взглядах. Особо сильное впечатление произвело на него путешествие по Бельгии, где он впервые столкнулся с уже сильно развитым капитализмом и промышленностью. Крутом он видел красивые картины: обработанные поля, фабрики, заводы. Но «приятные впечатления», — писал он в дневнике, — «разрушаются видом босых, оборванных детей, беспрестанно бегущих за крестом». И у него возник вопрос: «Что за причины этой бедности?» В поисках ответа Станкевич со всей страстью углубился в изучение общественных вопросов, истории революционного движения в Бельгии. Во весь рост встали перед ним вопросы реальной действительности, вопросы борьбы за лучшее будущее. Эти новые воззрения он и развивал в своих письмах к друзьям в России.

В Берлине Станкевич сблизился с Т. Н. Грановским. Там же произошла первая встреча Станкевича с И. С. Тургеневым.

Жизнь кружка в России протекала попрежнему в страстных исканиях истины, в спорах об искусстве, литературе. Но отсутствие Станкевича заметно чувствовалось. Недаром Белинский писал ему в 1839 году: «О, если бы ты опять стал жить в Москве, и мы, разрозненные тени без матерей, снова слетелись бы в роковое гнездо! Скоро ли, скажи... Но этому не суждено было сбыться».

В конце 1839 года здоровье Станкевича снова ухудшилось. Пришлось покинуть Берлин и поселиться в Италии. Там, в Нови, в ночь с 6 на 7 июля (нового стиля) 1840 года двадцати семи лет отроду он умер.

Скорбные отклики выдающихся деятелей русской литературы говорят о том значении, какое придавали

Николай Владимирович Станкевич.
Гипсовый медальон
работы Эйслера

они Станкевичу. «О, если бы ты знал, Ефремов, — писал Белинский одному из друзей покойного, — как я завидую тебе: ты жил с ним целый год, ты присутствовал при его последних минутах, ты навсегда сохранил живую память его просиявшего по смерти лица. Я ничего не знаю, что бы могло сравниться с твоим счастьем». И впоследствии, при упоминании имени Станкевича, у Белинского появлялись слезы на глазах.

Взволнованный отклик Тургенева на смерть Станкевича, по справедливому замечанию Майкова, может занять место среди лучших «Стихотворений в прозе». Это письмо Грановскому, совершенно потрясенному гибелью друга: «Нас постигло великое несчастье, Грановский. Едва я могу собраться с силами писать. Мы потеряли человека, которого мы любили, в кого мы верили, кто был нашей гордостью и надеждою... 24 июня* в Нови скончался Станкевич. Я бы мог, я бы должен здесь окончить письмо... Что остается мне сказать — к чему Вам теперь мои слова? Не для Вас, более для меня продолжайте я письмо: я сблизился с ним в Риме; я его видел каждый день и начал ценить его светлый ум, теплое сердце, всю прелесть его души. Тень близкой смерти уже тогда лежала на нем... Ему ли умереть? Он так глубоко, так искренно признавал и любил святое дело жизни... Он готовился посвятить себя труду, необходимому России... Холодная рука смерти пала на его голову, и целый мир постиг... Я ослепляюсь, пишу — напрасно. Кто из нашего поколения может заменить нашу потерю? Кто достойный примет от умершего завещание его великих мыслей и не даст погибнуть его влиянию, будет идти по его дороге, в его духе, с его силой?»

О, если что-нибудь могло бы заставить меня сомневаться в будущности, я бы теперь, пережив Станкевича, простился бы с последней надеждой. Отчего не умереть другому, ты сче другим, мне, например?

Но нет — мы не должны унывать и преклоняться. Сойдемтесь — дадим друг другу руки, станем теснее: один из наших упал — быть может — лучший. Но возникают, возникают другие. Рано ли, поздно — свет победит тьму. Да, но нам, знавшим его — его потеря не возвратима».

Но нет — мы не должны унывать и преклоняться. Сойдемтесь — дадим друг другу руки, станем теснее: один из наших упал — быть может — лучший. Но возникают, возникают другие. Рано ли, поздно — свет победит тьму. Да, но нам, знавшим его — его потеря не возвратима».

* Дата указана Тургеневым по старому стилю. — Р. е. д.

Дом на улице Станкевича в Москве, где жил Н. В. Станкевич.
Фото Н. Веринчука

ЗАДОЛГО ДО СЪЕМКИ

Гатчинский план.

Эскиз худ. В. Егорова

Оператор не заснял еще и десяти метров пленки для этого фильма.

В обширных павильонах киностудии «Мосфильм», стены которых могут без труда укрыть многоэтажные дома, среди декораций нет и намёка на XVIII век, на Россию суворовского времени. То, что увидит потом зритель в фильме о гениальном русском полководце и замечательном патриоте, можно только представить в воображении, прочитав сценарий Г. Гребнера.

Путь от сценария до фильма уже намечен кинематографическими знаками на полях рукописи. Текст сопровождался пометками: «общий план», «средний план», «крупный план» и цифрами кадров и метража пленки. Постановщики фильма Вс. Пудовкин и М. Доллер высчитывали эти цифры с хронометром в руках, проговаривая диалоги, улавливая секунды и минуты, скрытые в описаниях.

Многообразная творческая работа режиссе-

ров и целого коллектива, начавшаяся за кулисами фильма задолго до первого съёмочного дня, останется «за кадром» — зритель увидит только результат кропотливого и напряжённого труда постановщиков, ассистентов, художников, костюмеров, бутафоров...

Образ Суворова в фильме — идейный и художественный центр, движущая сила сюжета. Нужно было прежде всего вжиться в образ Суворова, понять эпоху, в которой он боролся и побеждал. Постановщики фильма обратились к историкам, к литературе, к архивным материалам и музейным экспонатам.

30 страниц занял перечень вопросов к историкам. Десятки блокнотов исписали ассистенты режиссёров, собирая факты из жизни Суворова, высказывания о нём современников. И каждый из ассистентов записывал настоящие напоминания историков: «Для Суворова солдат был живым, мыслящим, близким человеком...»

Из огромного по объёму исторического материала отобрано спорное, наносное и ложное. Постепенно отставившись и воссоздавалось подлинное представление о личности Суворова — генералиссимуса русской армии,

Чортов мост.

Эскиз худ. В. Егорова

таинственного и обаятельного человека.

Многое из того, что собрано о Суворове, на первый взгляд не имеет прямого отношения к сюжету. Вот, например, выдержка из записей в блокнотах: «В 1799 году, отправляясь из Канчанского в итальянский поход, Суворов освобождает своих крепостных». В сценарии этого эпизода нет, но так или иначе он будет жить в ткани произведения. Режиссёры и актёр, работающий над центральной ролью, не забудут ни одной строчки из биографии Суворова. Все нужно знать о нём — великое и малое. И в блокнотах появлялись такие записи:

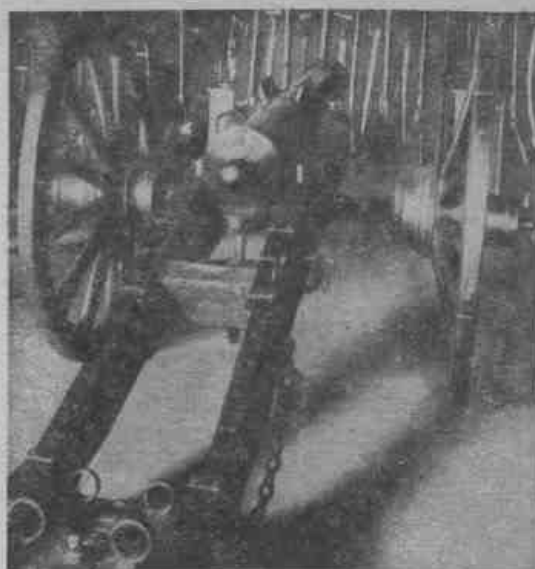
«Вся прислуга генералиссимуса состояла из неизменного Прохора, повара Мишки и фельдшера Наума. Обычно в то время у великого были десятки слуг. Для обслуживания одной кареты требовалось, по крайней мере, 30 кайдуков».

«Суворов любил играть с молодёжью в фанты и часами отплясывать мазурку. Три раза в день мылся самым тщательным образом. Терпеть не мог зёрна и при виде своего изображённы тотчас же отворачивался».

«Среди тщательно переписанных донесений Екатерине об устройстве крепостей в Финляндии на одном из листов суворовским почерком выведено:

«Отменно весел и здоров
непобедимый Суворов».

Драматургический стержень фильма — трагедия Суворова, его конфликт с тупостью павловского режима. И потому так тщательно собирались крупницы исторической правды о том времени, достоверные характеристики, выданные современниками коронованному самодуру:

Французская полевая пушка системы Грибоваля, взятая Суворовым при Нови 4 августа 1799 года.

«Павлу было представлено три различных варианта о правилах судоходства, с тем чтобы император выбрал один из них. Павел на всех трех вариантах написал: «Сие утверждаю».

«Отправляясь на парад в Гатчину, офицеры прощались с семьями и прятали под мундирами кошель с деньгами на случай внезапной ссудки».

«Никому не возбранялось обратиться к Павлу с какой-нибудь просьбой. Но тот, кто подавал третью просьбу, — наказывался заключением в тюрьму».

Чтобы создать в фильме подлинную атмосферу эпохи, все должно быть показано правдиво: от событий, образов и поступков героев до мельчайших деталей. Что только можно было узнать о местах, связанных с жизнью и походами Суворова, о бытовых мелочах, окружавших его, стало достоянием съёмочного коллектива... Все выяснено: и ширина Чортова моста, и размер прутника в козе павловского солдата, и высота екатерининского кивера, и рисунок суворовской табакерки... Семьсот собранных фотографий изображают собственные вещи Суворова, оружие его времени, мундиры солдат, гравюры исторических мест, картины о походах чудо-богатырей. На основе исторического материала художник В. Егоров сделал более шестидесяти эскизов декораций.

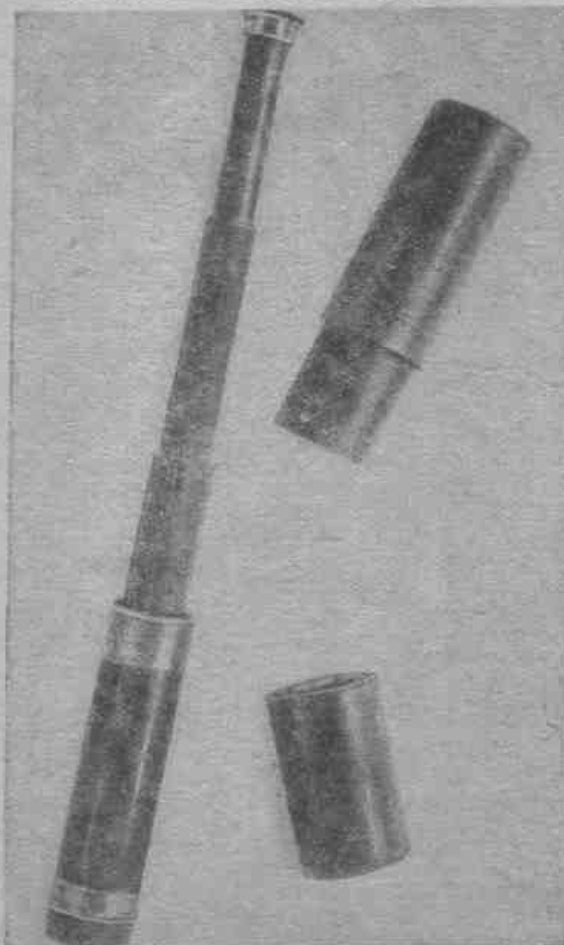
Описания, разбросанные по страницам сценария, литературные образы кинодраматурга художник перевел на язык изобразительного искусства. Художник внес свой вклад в фильм, свое ощущение эпохи.

Разве не убедительно говорят о строгой простоте и скромности генералиссимуса эскизы, показывающие его личные комнаты в Канчанском? Смелые штрихи, которыми изображен величественный Чортов мост, как бы подчеркивают гениальность полководца, сумевшего с боем провести свою армию через это непреодолимое препятствие.

Эскиз гатчинского плана, где солдаты напоминают механические фигуры и где над всем довлел полосатая будка часового, как бы олицетворяет всероссийскую казарму, в стенах которой задыхался Суворов. Контрастом со спартанской обстановкой суворовских комнат выглядит великолепие апартаментов гатчинского дворца.

То, что изображено рукой художника, в цехах студии превращается в объёмные декорации, овеетствалось. По специальным эскизам изготовлены до трех тысяч всевозможных костюмов, тысячи предметов разнообразнейшего вооружения. Идут репетиции с актёрами.

Уже прошли первые съёмочные дни из общего их количества в 98, необходимых для постановки исторического фильма «Суворов». Наступает день, когда вся эта черновая работа, проделанная за кулисами фильма, помножится на силу искусства режиссёров и актёров, начнет оживать на пленке историю, человеческие поступки, слова и чувства давно прошедшего времени, близкого для нас славы русского оружия, образом великого, непобедимого Суворова.

Подзорная труба, принадлежавшая Суворову.

КОНЕЦ МИХАИЛА СОКОЛОВА

В показательном универсаме на Добрынинской площади в Москве почти ежедневно появлялся гражданин, довольно красивый, модно одетый, самоуверенный.

Его сопровождала свита — несколько незаметных, скромных женщин.

К прилавкам и кассам тянулись очереди. В универсаме каждое утро поступал для продажи разнообразный товар: вельвет, бостон, шолк, майя, маркизет, шевикот, обувь, готовое платье, белье, часы. Чего только не было здесь! Но товар раскупался в течение трех-четырех часов, многим не хватало. И было непонятно: как этих тысяч метров, сотен пар обуви, тысяч белья, ящиков часов не хватает на всех покупателей?

Сотни продавцов в универсаме. Десятки заводов, агентов, кассирши. Михаил Васильевич Соколов, красивый, модно одетый гражданин, лоточник от Никитских ворот, мечтающий о «великих комбинациях», присматривается к людям, работающим за прилавком и в кассах.

Откуда набираются здесь «та-ты»? Кто они, эти люди, отыскивающие вельвет и шевикот, отшускающие туфельки и ботинки, выписывающие чеки в кассу?

М. В. Соколов внимательно присматривается к ним, разужает, изучает; он оценивает не товар, а людей. Терпение и выдержка!

Вот, например, Козырев — сын кулака, раскулаченного в 1931 году и лишенного прав. Надо заметить.

Вот Цатурова — опытная продавщица, семейная: двое детей, муж. Подозрителен муж — Георгий Богданович. Что он так часто приходит к жене на работу, о чем шепчется? Георгий Богданович Цатуров, человек без определенных занятий, получил образование, работал товароведом, но за прогул уволен, часто куда-то уезжает из Москвы. Нередко фигура Цатурова появляется на рынках, и не разберешь: продает он или покупает?

Или вот Воронин, Степан Михайлович, агент при обувном складе универмага. Пожилой, солидный человек, из старых приказчиков, очевидно, пока по части всяческих торговых махинаций. Старая школа! Заметить...

Подозрительна Дикова Прасковья, продавец обувного отдела, шепчется с Цатуровой, с Козыревым; Алексей Зиновкин — также из обувной секции, сын кулака; Нефед Михайлович Козловский, продавец шерстяных тканей, бывал на базарах, потом с компанией пьянствует у некоей Алексеевой... Заметить, заметить, заметить!

«Великий комбинатор» с Добрынинской площади ведет дело организованно. Наметь «подходящих», он заводит знакомство. Красивый мужчина, ловкий, жадный, наглый, он действует где легким флиртом, где соблазном, где ласками, где остротами, где остроумным шантажом...

Степан Михайлович Воронин мог бы рассказать о старом купеческом приказчике. В работе он руководствовался двумя принципами: российско-купеческим —

«не обманешь — не продашь» — и загранично-изысканным — «keep smiling», что значит: «всегда улыбайся» — лозунг для приказчиков Англии и Америки.

Новые молодые кадры советских продавцов воспитаны на иных принципах. Советская торговля может гордиться кадрами продавцов. В подавляющем большинстве это умелые, дисциплинированные, честные труженики. Выговаривается совершенно новый тип продавца. Но не перевелись еще и Воронины, живы еще жулики, воры, торгашки, и есть просто слабые, шатающиеся люди, которые, кажется, только и ждут соблазнитель.

Михаил Васильевич Соколов появляется в универсаме в роли такого соблазнитель.

Со Степаном Михайловичем Ворониным сговориться просто. Но Степан Михайлович — и сам «великий комбинатор». Он давно спекулирует, на свой страх и риск, выписывает себе чеки или обменивается чеками с соседними отделами. У него дома небольшой мануфактурный склад.

Зато Анисья Цатурова — прямо находка. Она выдает чеки на товар направо и налево: и мужу и каждому, кто даст ей 20 рублей за чек. Муж, Георгий Богданович Цатуров, уволенный за прогул товаровед, применяет теперь свои товароведческие познания в универсаме. Он устанавливает таксу: «Двадцатка за чек», — а его жена развивает безудержную энергию: ее рука не устает писать чеки — процентов 20 покупателей, стоящих в очереди, остальные — жулики, которые тоже скоро образуют очередь «на Цатурову», или, как они просто говорят: «на Аню».

— Что дают?

— Чеки Аня дает!..

М. В. Соколов организует «товарооборот»: через Цатурову и еще некоторых продавцов он получает чеки. По несколько чеков в день.

Затем на сцену появляется свита в лице скромных, незаметных гражданочек. Они должны уплатить соколовскими деньгами в кассу по чеку и получить товар. За это каждой гражданочке Соколов выдает по 5—10 рублей.

Полученные товары сбываются Соколовым на рынке или «через знакомых». Большую торговлю фирма «Спекулянт Соколов и К.» ведет на Перовском рынке. Здесь агенты Соколова да и он сам продают пальто, готовое платье, мануфактуру, обувь, часы. За один день Соколов наживал на спекуляции часами 800 рублей.

Пробегая газетные заметки об арестах и суде над спекулянтами, Соколов поживается. Его беспокоит не возможный арест — пет: «дело» у него поставлено безупречно. Остап Бендер мог бы позавидовать, — его тревожит обилие конкурентов. Сколько развелось спекулянтов! Они создают «товарный голод» при

наличии товара — это хорошо, но они могут «сбить» цены на рынках.

В декабре 1938 года пленум Верховного суда СССР указал судам на необходимость суровой борьбы со спекуляцией. Соколов не обратил внимания тогда на это сообщение: он еще только «комбинировал», мечтал...

Теперь он внимательно читает газетные заметки о борьбе со спекуляцией.

В Луховицком районе, Московской области, «милая дама» А. С. Отопкина устроила у себя во дворе кладовую: вырвала яму и туда складывала товар. У нее и там 249 метров мануфактуры, 10 пар калош — по числу ног паука-домовника, — 175 килограммов пшена, 432 килограмма муки, 30 килограммов сахара, 19 килограммов ланши, 69 литров керосину, 26 кусков мыла и 480 коробок спичек. В мелочной лавочке деревенского торговца не бывало столько товара...

В Киеве пытались монополизировать спекулятивную торговлю «божьи служители». Поп Шпаковский спекулировал мануфактурой и сахаром и успел отложить 41 тысячу рублей. Его конкурентом был поп Богданевский. А церковный староста Лугин, спекулируя сахаром и вином, накопил 190 тысяч рублей. Киевские спекулянты Горешая, Слаучий (в прошлом торговец), Сигал (бывший владелец пекарни), Чернявский спекулировали всем, чем угодно: от сахара, мыла и обуви до олова, крошечного железа, пробок, шерсти, клея и даже... половых риз и ряс... Пока «батьюшки» спекулировали мануфактурой, бывший владелец пекарни наживал с них на поповской «прозодежде». Такова ирония спекулянтской судьбы!

Компания витебских спекулянтов во главе с еще одной «милостивой дамой», А. Р. Голощековой, получала товар из столицы: Москвы, Киева, Ленинграда... На квартире спекулянтов была организована «оптовая база», подобрался штат «снабженцев» из бывших торговцев. Большая «фирма»! Но «фирма» лопнула: всех переловили.

В Москве на скамью подсудимых посажены десятки спекулянтов.

Вот Александров с супругой, Е. А. Новоселовой. Они спекулировали мануфактурой и меховыми вещами. Отвозили товар в Омск или посылали багажом. При обыске у Новоселовой нашли 77 метров мануфактуры, 45 тысяч рублей, слиток золота весом в 103 грамма, 17 золотых монет. Эта дама любила золото, как некогда Сонька «Золотая ручка»...

Кто эти люди, затесавшиеся в нашу жизнь?

Вот некий В. В. Васильев, задержанный с ящиком, в котором оказалось 23 килограмма сливочного масла, — человек без определенных занятий, дважды судившийся за растрату. А. В. Свищ, также спекулировавший маслом, нигде не работал. П. И. Пчелкина, скупавшая в магазинах столичные мануфактуру, калоши, га-

лантерю и продававшая товар по спекулятивным ценам с накруткой 90 процентов, нигде не работала, в 1930 году судилась за спекуляцию...

Попы, бывшие торговцы, лодыри, выгнанные за прогулы, члены кулацких семей, пьяницы, бывшие профессиональные воры, дамочки из «бывших» — вот конкуренты М. В. Соколова.

Чем больше их арестовывают, тем лучше. Долой конкурентов! За себя Соколов спокоен: не подкапашься...

Но вот — сорвалось!

Однажды Михаила Васильевича Соколова задержали. Он сделал благородно-оскорбленное лицо, пожал плечами:

— Спекуляция? Я?! Да что вы? Какое роковое заблуждение!

Действительно, он несколько раз побывал на Перовском. Но он продавал свое собственное пальто, потом — женин костюм, потом — еще что-то, тоже свое. Иногда, знаете, не хватает денег на существование: он ведь платит алименты Любе — забыл, как ее фамилия, — там сын... или дочь, нельзя же оставить ребенка без помощи! Соколов — не такой человек!

При обыске у Соколова ничего не обнаружено. Где же доказательства? Он смотрит гордо и уверенно, вспоминая, как часто наглость спасала «великого комбинатора» Бендера.

Но когда допросили иных продавцов универмага, они признались. Они не были «великими комбинаторами», а только мелкими жуликами, безвольными мелкими лодырями, которых соблазнил Соколов.

И вот Михаил Васильевич Соколов понял, что попался. И он повторил классическое восклицание своего знаменитого тезки, Михаила Васильевича Кречинского: «Сорвалось!»

Так именно он и сказал. Но признаться во всех махинациях не пожелал.

Два зlostных, прожженных спекулянта, обворовывающих своих граждан, обманывающих свое государство, торгующих вместе с пальто, коверком, обувью — и совестью, Соколов и Воронин до конца отрицали свою вину. А у Воронина дома нашли 360 метров ткани: драп, шевикот, шолк, маркизет, ситец — и еще различные товары. Следственные органы вынуждены были после обыска составить на нескольких листах настоящий «прейс-курент» торгового дома С. М. Воронина.

Дело № 85 закончено.

«Великие комбинаторы» Соколов и Воронин получили по 8 лет с конфискацией имущества. Г. Цатуров — 5 лет. Анисья Цатурова — 2 года условно; суд принял во внимание, что она мать двоих маленьких детей. Козырев, Зиновкин и Дикова — по году. Козловский — 6 месяцев. Двое оправданы.

Маленькие, жалкие люди, которых так легко соблазнить, попали в опытные руки ловких мошенников. Не явился Соколов — и Анисья Цатурова, и Дикова, и Козловский не сидели бы на скамье подсудимых.

Но если бы Цатурова и другие не оказались столь падкими до соблазнов, никакой «Остап Бендер» не смог бы совершать свои мошеннические комбинации.

Под парусами

флотский
Ф. И. М. Д. Д. Д.

Ветер развевает вымпелы на мачтах, треплет боевые флаги на носовых флагштоках, срывает с труб хлопья светлого дыма и уносит легкий пар раскатыстых sireн...

На палубах оживление: сегодня предстоит парусные гонки. Парусный спорт стал любимым во флоте. В плавании под парусами приобретаются, как говорят моряки, «морские ноги», и действительно, для молодых моряков управление парусом — лучшая школа.

И всюду, где в нашей стране есть водный простор, скользят быстрые яхты и легкие швертботы. Добровольные спортивные общества создали и продолжают строить собственные флотилии парусных судов. Вслед за старейшими в стране центрами парусного спорта: Ленинградом, Одессой и Таганрогом, — вслед за поволокскими городами Горьким, Куйбышевым, Саратовом и Сталинградом парусный спорт быстро развивается в Москве, Киеве, Днепропетровске, Баку.

Канал Волга — Москва с его водохранилищами дал возможность заниматься парусным спортом у самой столицы. За короткий срок московские яхтсмены получили более ста классных судов, и флотилия швертботов на Клязьминском и Химкинском водохранилищах уступает сегодня только яхтклубам Ленинграда, насчитывающим сто сорок семь вымпелов.

Зимними вечерами яхтсмены изучают в парусных школах тонкости судоводительского искусства.

Член горьковского общества «Динамо» Клавдия Бажанова поднимает кливер.

Яхты на Малой Невке в Ленинграде.

ва, а сегодня от на борту своих легких судов проходит практику ихтенных матросов, рулевых и капитанов. Это — увлекательное занятие. Крепкий белый швертбот, накренившись, быстро скользит по воде. Поскрипывает мачта. В руке шкот от надутого ветром паруса и послушный румпель руды. Хорошо управлять яхтой!

Наши юноши и девушки с любовью и увлечением занимаются этим видом спорта. Чтобы поднять класс наших яхтсменов, установлена система соревнований. Готовясь к ответственным гонкам, парусники добровольных обществ и яхтклубов проводят отборочные соревнования и встречи на перестро города. На Украине пройдет днепровская регата. Затем в начале августа в городе Горьком состоится четвертые поволокские парусные соревнования; в конце августа в Архангельске, на Северной Двине, будет разыграна первая северная парусная гонка. В Таганроге в начале сентября пройдут соревнования парусников Азово-Черноморского бассейна.

Уже сейчас идет оживленная подготовка. Яхтсмены канала Волга — Москва начали плавание и промеры глубин для отсисаний обстановки плавания в новых бухтах и заливах. Они дойдут на своих судах до Московского моря.

Тысячи юношей, занимающихся парусным спортом, готовятся стать моряками, чтобы в нужный момент сменить легкий румпель на штурвал боевого корабля.

ВОЛК, КОЗА И КАПУСТА. Любимый школьник знает, как разрешить сложную проблему перевозки через реку на одной лодке этих трех «пассажиров». Английские власти в худшем положении. Перед ними стоит примерно такая же проблема: как вооружить широкие массы населения для борьбы с возможным парашютным десантом, не давая в то же время населению никакого оружия?

«Таймс» и другие почтенные органы английской печати всячески стараются помочь своим хозяевам, широко открывая свои страницы для всевозможных предложений и пожеланий об организации и снаряжении местных отрядов самообороны, но даже и с этой помощью дело у военного министерства не ладится. Добровольцев сколько угодно: уже в половине июня их насчитывалось около 400 тысяч. Причем это не старики как-нибудь, напротив, среди добровольцев много молодежи, вполне годной к несению регулярной военной службы, но не попавшей в армию вследствие совершенно нелепых правил вербовки, как замечает один из корреспондентов «Нью-стэйтсмэн энд индийс»: много и бывших кадровых солдат. Но кого дать им в начальники и, главное, как научить их стрелять из пистолета?

Глубокую горечь и раздражение вызывает в английском населении полная неспособность властей организовать самооборону страны. Настроение населения хорошо иллюстрирует опубликованное в «Нью-стэйтсмэн энд индийс» письмо добровольца местного отряда самообороны одной из деревень западной Англии. Трагикомическую картину первого сбора местного отряда самообороны в его деревне этот доброволец описывает следующим образом. К трем часам ночи удалось собрать 25 добровольцев для охраны местного аэродрома, заброшенного, но удобного для посадки самолетов и высадки воздушного десанта. О снабжении этих «защитников родины» оружием никто не позаботился. Как-то они набрали в деревне 18 охотничьих ружей и немного патронов, которыми можно было бы при удаче «убить вальдшнепа на расстоянии тридцати ярдов и немца — на расстоянии десяти», — замечает доброволец. Вечером того же дня этот боеспособный отряд впервые встретился с представителями местной администрации, надеясь получить от нее какое-нибудь оружие. «Но мы не получили ничего, кроме небольшой

дозы весьма распычатых советов».

Деревня решила провести мобилизацию собственными силами и в первую очередь потребовать от полиции выдачи разрешений на пользование боевым оружием. Население деревни принесло на алтарь отечества все спрятанное в глубоком подполье оружие: три старых револьвера и две винтовки. «До сих пор, — с возмущением пишет доброволец, — наш арсенал не пополнился, хотя прошло уже достаточно времени, чтобы дважды взять Голландию».

Но если винтовки, наконец, и будут выданы, их придется, как установил корреспондент «Нью-стэйтсмэн энд индийс», хранить в полицейском участке, в нескольких милях от деревни. Другими словами, в случае воздушного или парашютного десанта собрать и вооружить местный отряд самообороны удастся не раньше чем через несколько часов после приземления десанта. А несколько часов в теперешней войне — время порядочное...

«Мы, деревенские жители, знаем друг друга. Отряд тщательно подобран, каждый член его абсолютно надежен. Почти все они или бывшие кадровые солдаты или сыновья бывших солдат. Они привыкли обращаться с огнестрельным оружием. У многих есть дома 16-калиберные охотничьи ружья, с которыми они охотятся за кроликами... Чистое безумие — не снабдить винтовками в военное время этих, максимально подходящих людей!»

Где те миллионы винтовок, которые были в стране к концу прошлой войны? — спрашивает доброволец. «Ведь нам не нужно современное оружие, старые «мартини» прекрасно подойдут для наших целей».

«Хорошо было бы, — замечает он, — если бы правительство могло понять, какое раздражение вызывает в стране медлительность военного министерства и наша неспособность использовать добровольцев. Некоторым политическим деятелям было бы полезно послушать разговоры моих товарищей по отряду, которые велись в то время, когда мы бродили вокруг мокрого аэродрома, вооруженные несколькими охотничьими ружьями».

«Никто не может понять, почему возникает какое-то беспокойство по поводу раздачи винтовок отрядам», — наивно замечает доброволец и через несколько строк, сам того не замечая, отвечает на этот вопрос:

«Добровольцы готовы под-

чиняться любому начальнику, имеющему военный опыт, но они ни в малой мере не заинтересованы в том, чтобы этими начальниками были их помещики или другие местные магнаты. Общепраспороченно мнение, что страна очутилась в тяжелом положении из-за имущих классов, и очень неудачно, что правительство выбирает как раз старых, отставных военных, причем некоторые из них не принимали даже участия в прошлой войне, а правительство сажает их на голову людям, популярным в деревне и имеющим военные отличия».

В вопросе об управлении добровольческими отрядами, так же как и в вопросе о вооружении их, тот же заколдованный круг: как найти руководителей, которые были бы достаточно авторитетны и в то же время не были бы достаточно популярны?

Ведь кто его знает, куда оно начнет стрелять, это оружие, и куда они поведут отряды, эти руководители?

ИЗ СТАРЫХ АНЕКДОТОВ. Немецкий иллюстрированный журнал «Берлинер иллюстрирте» рассказывает забавный анекдот о «железном канцлере» Бисмарке и императоре Вильгельме. Старый канцлер жаловался старому императору, что порой ему приходится из-за плохого здоровья отказываться от курения и от вина. Император пожурил своего слугу за такую «дріблость», заявив, что он никогда не лишает себя хорошей сигары и стакана хорошего вина. «Да это ведь понятно, ваше величество, — добродушно заметил «железный канцлер», — всадник всегда выдерживает дольше чем лошадь, которая его возит».

мещена в соответствующий солевой раствор, активизированный эту клетку и вызвавший деление ее, то есть процесс, происходящий при естественном зачатии животного. После этого «книжечного зачатия» зародыш был помещен на стенку матки крольчихи другой породы. Здесь он прошел все стадии развития и родился в нормальный срок. Родилась самка, вполне жизнеспособная и способная к дальнейшему размножению. От своей «примесной матери» эта «искусственная» крольчиха не получила никаких внешних признаков: «примесная мать» была крольчиха-альбинос, «опосредованная» же ее принадлежала к той же шенцельской, серебристо-серой породе, что и крольчиха, у которой взята была яйцеклетка.

«РЕНТГЕНОВСКИЕ КАБИНЕТЫ» У ЗАПРАВНЫХ КОЛОНОВ. Одна американская фирма автомобильных покрышек с целью рекламы установила у многих заправных колонок специально сконструированные рентгеновские аппараты, позволяющие производить быстрое просвечивание покрышек и камер. Таким образом удается установить наличие застрявших гвоздей, осколков стекла и т. п. Незаметные при обычном осмотре, они вызвали пока лишь незначительные предупреждения, но при дальнейшей езде могут привести к пробою и камеру в негодность.

РАДИОДРЕССИРОВКА. Подлийский чиновник в Сиднее (Австралия) продемонстрировал недавно свою охотку «Зою», которая выполняла приказы хозяйки, передаваемые ей по радио. На спине собаки прикреплен небольшой коротковолновый приемник. Находясь на расстоянии 50 ярдов от собаки, хозяин дает в микрофон переносного передатчика то или иное задание. Собака, прислушавшись к голосу хозяйки, раздается из радиоаппарата, прикрепленного на ее спине, выполняет приказы: взбирается на высокую лестницу, задерживает человека и т. д. Эти результаты были достигнуты после двухдневной дрессировки.

СВЕЧАЩИЙСЯ «ГРИБ» ДЛЯ ШТОПКИ. На немецком рынке появилась новинка — «гриб» для штопки чулок, папка которого сделана из прозрачной пластмассы. Внутри папки маленькая электрическая лампочка, питаемая от городской сети и соединенная с миниатюрным трансформатором, который превращает 110- или 220-вольтный ток в 4-вольтный. Этот «гриб» прекрасно освещает «операционное поле» и кроме того позволяет обнаружить на чулке вышедшие места, грозящие прорваться, и дает возможность принять «профилактические меры».

Новое В НАУКЕ И ТЕХНИКЕ

ЛЕЧЕНИЕ СУСТАВНОГО РЕВМАТИЗМА. Суставной ревматизм — одна из очень широко распространенных и трудно поддающихся радикальному лечению болезней. Опыт многих врачей-практиков свидетельствует о том, что боли в суставах, вызываемые этим заболеванием, сильно уменьшаются, а порой и совсем исчезают при одновременном заболевании желтухой. Это наблюдение побудило немецких врачей попытаться лечить суставной ревматизм внутривенным введением желчных солей и пигментов, обильное поступление которых в кровь, а из нее — в ткани и является одним из основных симптомов желтухи. Эти вводимые значительно облегчают боли в суставах.

БОРЬБА С ГРИППОМ. Американские бактериологи Чарльз Честер Сток и Томас Фрэнсис сообщают в «Журнале экспериментальной медицины» (США) о своих успешных опытах приготовления антигриппозной вакцины из гриппозного вируса, взвешенного в мыльном растворе. Ученые измельчали легкие мышей, зараженных гриппом, и извлекали из них сильнодействующую гриппозную примесь, убивавшую здоровых мышей. При подмешивании обыкновенного мыла к вирус гриппозного вируса ученые получали вакцину, выщелачивание которой здоровым мышам предохраняет их от заражения гриппом. Эти мыши не заболевают даже при введении им больших доз чистого, активного вируса. Действие этой примеси учеными еще не выяснено.

Они продолжают ее детально изучать на экспериментальных животных.

САМОЛЕТЫ — ПЕРЕНОСЧИКИ ТРОПИЧЕСКИХ БОЛЕЗНЕЙ. Хотя на больших высотах количество бактерий и насекомых — носителей микроорганизмов — значительно меньше чем у поверхности земли, самолеты все же иногда переносят возбудителей инфекций. Установлено, что в результате введения регулярного воздушного сообщения между Африкой и Южной Америкой в одном из районов Бразилии вспыхнула эпидемия малярии: самолеты занесли из Африки переносчика малярии, комара-анopheles. Из 50 тысяч человек, населяющих этот район, малярией заболело 90 процентов. Население, не знавшее ранее малярии и не обладавшее сопротивляемостью этому заболеванию, выработавшейся в организме в течение долгого времени, переносит его очень тяжело. Смертность доходит до 10 процентов.

«ИСКУССТВЕННЫЙ» КРОЛИК. Показанный на фото кролик — результат удачного опыта развития животного из яйцеклетки без оплодотворения ее сперматозоидом. Яйцеклетка, взятая у крольчихи, была по-

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

Академик Е. ТАРЛЕ «Адмирал Нахимов». Журнал «Молодая гвардия» № 4 за 1940 год.

Имя адмирала П. С. Нахимова неразрывно связано с героической Севастопольской обороной, одним из организаторов которой он был. Во время Крымской войны 1853—1856 годов, которую вела против России Англия, Франция и Турция, Севастополь сопротивлялся врагу в течение одиннадцати месяцев. Правда, бездарное царское правительство, в конце концов, войну проиграло, но мужество русских солдат и моряков, сражавшихся под водительством Нахимова и его сподвижников: Корнилова, Тотлебена и Истомина, — навсегда вошло в историю.

Академик Тарле воспроизводит в своей работе благородный образ замечательного русского военачальника, человека с огромным военным талантом и исключительным моральным авторитетом.

Нахимов в отличие от многих не смотрел на своих подчиненных как на «ступени для собственного повышения». Матросы были в его глазах основой военной силой флота, и он стремился воспитать из них закаленных бойцов. «Вот чему, — говорил он с гордостью, — я посвящал себя; для чего тружусь неустанно и, видимо, достигая своей цели: матросы любят и понимают меня. Я этою привязанностью дорожу больше, чем отъездом чванливых дворянчиков-с!»

В обороне Севастополя Нахимов и другие руководители Черноморского флота сыграли решающую роль. Для царской России чрезвычайно характерен уже тот самый факт, что защищать город пришлось именно им, адмиралам, которым, казалось, не поддается командовать войсками на суше. Однако главнокомандующий светлейший князь Меншиков не только сам ушел из Севастополя, когда к нему подошли англичане и французы, но и увел с собой всю свою армию.

То, что судьба Севастополя была вручена Корнилову и Нахимову, спасло город от немедленной сдачи. Академик Тарле подробно и красочно на основании огромного архивного материала показывает, как Нахимов и его друзья укрепили брошенный николаевским правительством город и как самоотверженно они защищали его против превосходных сил противника.

Севастополь вырос на пути англичан и французов неожиданной и грозной пре-

градой; потери при осаде Севастополя они понесли колоссальные и в результате вынуждены были отказаться от своих первоначальных планов и претензий.

Немало места академик Тарле уделил разбору ошибок, допущенных командованием англо-французской армии. Эти ошибки были столь грубы, что Нахимов собирался даже поехать по окончании войны за границу, с тем чтобы публично назвать неприятельских генералов «ослами». Анализ этих ошибок представляет выдающийся — и не один лишь военно-стратегический — интерес. Уроки истории весьма поучительны, и нужно отметить, что они далеко не в пользу англо-французских «стратегов».

Р. ВОИНОВ

З. ЧАЛАЯ «Анатолий Серов». Изд. «Молодая гвардия». 1940.

«Среди многих тысяч замечательных военных летчиков нашей страны Анатолий Серов был лучшим военным летчиком-испытателем», — так начинает свое предисловие к книге З. Чалая дважды Герой Советского Союза Я. В. Смушкевич.

Анатолий Константинович Серов прожил всего двадцать девять лет. Но за свою недолгую жизнь он полностью проявил себя как бесстрашный сталинский сокол, как мастер воздушного боя, сочетающий безумную отвагу с совершенным владением сложнейшей техникой.

В книге З. Чалой о Серове прослежен весь его жизненный путь. Уже в детские и отроческие годы начал складываться характер будущего летчика: настойчивость, смелость, инициативность, готовность к риску, принципиальность в отношении к людям, коллективизм. Двадцати лет отроду в Оренбургской летной школе Серов впервые поднялся в воздух.

Очень скоро Серов как летчик обнаружил свой собственный стиль, свой «почерк». Быстро стали развиваться в нем волевые качества, необходимые летчику-испытателю.

«Эти качества, — рассказывал Серов, — не раз выводили меня из самого, казалось бы, безвыходного положения. Однажды в воздухе загорелась моторная часть самолета. Языки пламени проскакивали под ногами, увлекаемые назад потоком воздуха. Загорелась обувь, температура в кабине стала невыносимой.

Проще всего в таких случаях выброситься с парашютом и тем спасти себе

жизнь. Я принял другое решение: спасти машину. На горящем самолете я добрался до аэродрома и, скользя на крыло, чтобы направить планя в сторону от себя, благополучно сел».

Этот случай произошел с Серовым на Дальнем Востоке, где он служил в 1933—1935 годах. Затем он учился в Москве в Военно-воздушной академии имени Жуковского и работал в Научно-испытательном институте летчиком-испытателем. 14 мая 1937 года Серов уехал в командировку в новые боевые условия.

Глава «В Н-ных условиях» — одна из интереснейших в книге. В условиях фронта, в условиях напряженной борьбы с хорошо вооруженным противником, Анатолий Серов показал, на что он способен и как летчик и как командир. В одном бою ему пришлось драться одному против три-

надцати врагов, остервенело набросившись на него, и из этой небывалой схватки он сумел выйти непредвидимым. «За время своей командировки в Н-ных условиях Серов сбил огромное число вражеских самолетов, точному подсчету оно не поддается. На нашей территории «показаны земли» (то-есть упали на нашей территории) пятнадцать сбитых им самолетов. Но много их упало на территории противника. Эскадрилей Серова в целом сбито свыше семидесяти самолетов противника (число, «показанное землей»), много больше самолетов уничтожено группой Серова на аэродромах противника. В Москву А. К. Серов вернулся трижды орденоносным Героем Советского Союза.

Последний год своей жизни Серов работал начальником Главной летной инспекции военно-воздушных сил РККА, сделав, по словам тов. Смушкевича, «очень много полезного и ценного для нашего Воздушного Флота».

Серов как-то сказал, что о его полетах будут писать книги и учебники, и эти слова с избытком оправданы всей его замечательной деятельностью.

Л. Г.

ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ

ЗАКАЛЯТЬ ОРГАНИЗМ.

История войны свидетельствует, что армии несут не столько потерю от огня противника, сколько от простудных заболеваний. Эти заболевания, особенно распространенные весной и осенью, наносят огромный ущерб государству и в мирной обстановке. Сотни тысяч людей, слегка промочив ноги или посидев минутку на сквозняке, выбывают из строя, становятся жертвами всевозможных инфекций и распространителями этих инфекций. Между тем предотвратить себя от таких неприятностей не так уж трудно.

Великий русский полководец Суворов, каждое утро обливался ледяной водой и заставлял то же проделывать своих солдат. Герои Советского Союза хасановец Доррофей Левченко и севонец Сергей Токарев и многие другие наши герои регулярно обливаются холодной водой. Братья Знаменские, как и некоторые другие наши спортсмены, всю зиму купаются в проруби. Неудивительно, что из самых трудных испытаний эти люди выходят бодрыми и здоровыми.

Закалить организм очень легко. Надо только разумно и постоянно пользоваться солнцем, воздухом и водой и заниматься физзарядкой. Начав с пятиминутных солнечных и воздушных ванн, теплого душа или обтира-

ний водой по пояс, каждый человек может приучить себя не бояться ни холода, ни ветра, ни сырости. Любой врач даст по этому поводу все необходимые указания.

ПЕРВЕНСТВО СССР ПО ФУТБОЛУ.

2 мая в Тбилиси начались матчи на первенство СССР по футболу. Первенство разыгрывается по двум группам — А и Б, в каждую из которых включено 14 команд. Всего будет проведено около трехсот встреч.

В группу А вошли следующие сильнейшие футбольные команды нашей страны: «Спартак» — Москва; «Динамо» — Тбилиси; ЦДКА — Москва; «Трактор» — Сталинград; «Локомотив» — Москва; «Металлург» — Москва; «Динамо» — Москва; «Динамо» — Киев; «Торпедо» — Москва; «Динамо» — Ленинград; «Крылья Советов» — Москва; «Локомотив» — Юга — Тбилиси; «Зенит» — Ленинград; «Стахановец» — Сталинно.

Первенство разыгрывается в два круга, то есть каждая команда встретится с другой два раза. Выигрывая команда получает 2 очка, ничья — 1 очко и проигрыш — 0 очков. Две команды, занявшие в группе А последние места, будут переведены на 1941 год в группу Б, а на их место поднимутся две лучшие команды из группы Б.

В 28 командах, заявленных на участие в первенстве этого года, насчитывается (вместе с запасными игроками) 547 мастеров кожаного мяча.

Среди 547 участников первенства 29 коммунистов и 127 комсомольцев, причем команда тбилисского «Динамо» сплошь комсомольская. 502 игрока имеют значок ГТО первой ступени и 105 — второй ступени.

Интересны данные о возрастном составе участников: 354 игрока старше 25 лет, 150 в возрасте от 20 до 25 лет и 43 игрока моложе 20 лет. Из участников первенства 42 имеют высшее образование и 315 — среднее. 53 футболиста впервые включены в число участников борьбы за первенство.

НАВСТРЕЧУ ДНЮ ФИЗКУЛЬТУРНИКА.

Советские спортсмены ко Дню физкультурника стремятся завоевать новые мировые и всесоюзные рекорды. Почти каждый день телеграф приносит известия об их победах.

Заслуженный мастер спорта СССР Израиль Механик установил новый мировой рекорд в жиме двумя руками для атлетов легкого веса. Он выжал штангу, весившую 110,3 кг, перекрыв на 1,8 кг рекорд австрийца Файна.

Новый всесоюзный рекорд в мотоциклетных гонках на 1 километр с места установил динамовец С. Бучкин. Первый раз он прошел дистанцию в 1 километр за 38,54 секунды, а второй — за 37,6 секунды. Средний результат — 38,07 секунды, что дает среднечасовую скорость в 94,562 километра.

Харьковчанин Федоренко установил новый рекорд СССР в таких же гонках, но на автомобиле «ЗИС-101». Он прошел километр с места за 31,9 секунды, развив скорость 112,852 километра в час.

Прекрасные результаты показывает молодежь. Украинский школьник Володя Клямовский метнул диск на 45,42 метра, побив свой всесоюзный рекорд почти на 3 метра. Четыре новых рекорда по плаванию установил пятнадцатилетний минский школьник, отличник учебы Коля Кроков. 100 м кролем он проплыл за 1 минуту 4,2 секунды; 100 м на боку — за 1 минуту 15,7 секунды; 50 м кролем — за 28,3 секунды и 50 м на боку — за 34,6 секунды. Теперь Коля Крокову принадлежат уже 7 рекордов СССР.

Советским спортсменам сейчас иногда приходится отбирать мировые рекорды и друг у друга. Мировой рекорд в толчке левой рукой давно принадлежал ленинградскому полутяжеловесу Николаю Концелену. Недавно в Севастополе техник-интендант 2-го ранга тов. И. Мальцев превзошел его достижение. Мальцев толкнул левой рукой 108,5 килограмма.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера А. Котова

МАТЧ БОТВИННИК — РАГОЗИН

Десять лет назад ленинградский шахматист В. Рагозин получил звание шахматного мастера СССР. За этот период, участвуя в ряде турниров на первенство СССР и международных турнирах, он добился выдающихся результатов.

Отмечая десятилетие деятельности Рагозина как шахматного мастера, спортивное общество «Строитель» организовало его тренировочный матч с чемпионом СССР, гроссмейстером-орденоносцем М. Ботвинником.

Матч из двенадцати партий, окончившийся со счетом 8½ : 3½ в пользу Ботвинника, еще раз подтвердил высокий класс игры чемпиона СССР и выявил слабые стороны творчества

Рагозина, главное, — недостаточную технику реализации преимуществ. Кстати сказать, этот недостаток в игре свойственен большинству наших шахматистов. Основная цель матча — тренировка перед 12-м первенством СССР по шахматам — выполнена. Участники получили хорошую практику к предстоящим шахматным боям.

Приводим пятую партию матча, блестяще выигранную Ботвинником.

Английская

Ботвинник Рагозин

1. e2—e4 e7—e5
2. Kf1—e3 Kf8—f6
3. Kgl—f3 Kb8—c6
4. d2—d4 e5—e4
- Спокойнее 4... e:d
5. K:d4 Cb4. Рагозин избирает более острое продолжение, но Ботвинник, являю-

щийся большим знатоком английской партии, вскоре получает дебютное преимущество.

5. Kf3—d2 Cf8—b4
6. e2—e3 0—0
7. Cf1—e2 Лf8—e8
- Лучше было 7. d6 8. 0—0
- С:e3 9. b:c Cf5
8. 0—0 Cb4:c3
9. b2:c3 d7—d6
10. f2—f3!

Белые смело жертвуют пешку, чтобы использовать связку коня f6 и получить атаку на королевский фланг.

- 10... e4:f3
11. Ce2:f3 Лe8:e3
12. Kd2—b3 Лe3—e8

Жертва качества после 12. Л:e3 13. Ce2 Л:c1 14. Л:c1 не обличала положе-
13. Cc1—g5 Кс6—e7
Ослабление пешек, при-
крывающих черного коро-
ля, неизбежно. Поэтому

черные спешно перебрасывают фигуры для защиты от нападения белых фигур на королевский фланг.

14. Фd1—d2 c7—c6
15. La1—e1 Ce8—f5
16. Cg5:f6 g7:f6
17. h2—h4 d5—d6
18. c4:d5 c6:d5

Нельзя 18. К:d5 19. Л:e8+ Ф:e8 20. С:d5, выигрывая фигуру.

19. Cf3—d1 Cf5—e4
- Угрожало 20. Л:e7 и
21. Л:f5.

20. Лf1:f6 Ke7—g6
21. Фd2—f2 Le8—e6

После 21. Фe7 22. h5 и 23. Лe3 атака белых становилась весьма грозной.

22. Лf6:e6 f7:e6

23. h4—h5 Kd6—f8

И после 23. Kh4 24. Фg3+ Kpf8 25. Лf1+ чер-
ный король оставался в
центре доски и подвергался смертельной атаке.

24. Фf2—g3+ Kpf8—f7

Или 24. Kph8 25. Фe5+ и 26. Лe3.

25. Le1—f1+ Ce4—f5

26. Фg3—f4 Kf8—d7

27. Cd1—e2 . . .

Уничтожая последнюю па-
дежду получить контригру,
после 27. g4 Фh4.

27. . . . Фd8—b8

28. Фf4—h6! Фb8—g8

29. Ce2:f5 e6:f5

30. Лf1:f5+ Kpf7—e7

31. Лf5—g5+ Фg8—e6

32. Лg5—g7+ Черные
спались, ибо после 32.
Kpd6 33. Л:d7+ Kp:d7
34. Кс5+ они теряют фер-
зя.

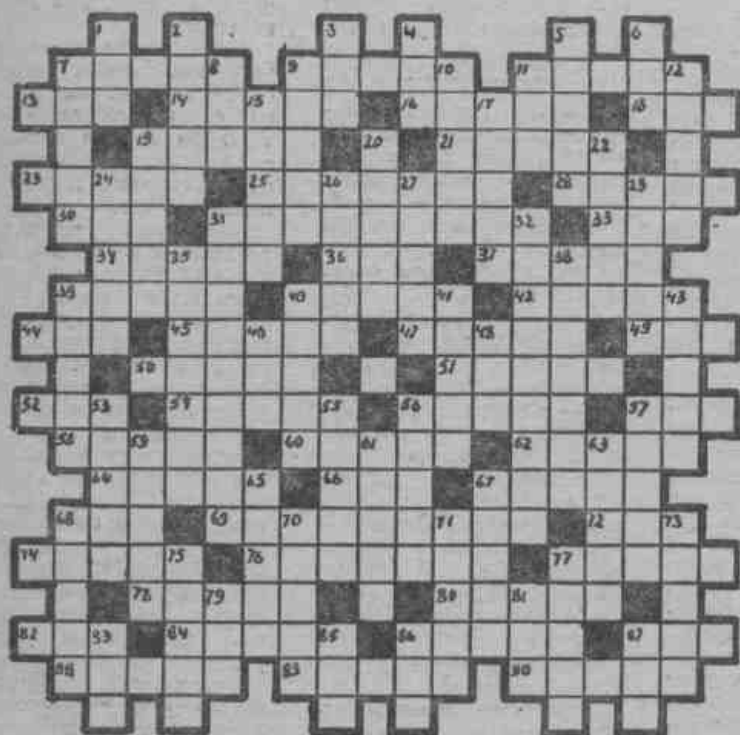
КРОССВОРД

ОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» М. М. РАЙХЛИН

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Название произведения Куприна.
9. Помещение для автома-
шина.
11. Работное изделие.
13. Известный ученый.
14. Вещи пассажира.
16. Воздушное судно.
18. Неполитик.
19. Одиночка.
21. Единичная мера и юве-
лирном деле.
23. Насекомое.
25. Цветок.

26. Монета.
30. Стрельбище.
31. Паровоз.
33. Направление распро-
странения света.
34. Точка, диаметрально
противоположная реги-
ту.

36. Млекопитающее.
37. Рисунок-загадка.
39. Движение по воздуху.
40. Длинное тело.
42. Огласительный инструмент.
44. Английский социалист-
утопист.
45. Химическое вещество,
применяемое в фотогра-
фии.
47. Корсар.
49. Геометрическая фигура.
50. Временное размещение.
51. Варьированное понятие.
52. Прибор для измерения
глубины.
54. Музыкант.
56. Камень космического
происхождения.
57. Животное.
58. Летчик.
60. Растение.
62. Река в Западной Аф-
рике.
64. Пожарный инструмент.
66. Большой званый обед
или ужин.
67. Веревка.
68. Название журнала фу-
туристов.
69. Тело, способное отсти-
каться на колебания
определенной частоты.
72. Столетие.
74. Свидетельство для льго-
тного проезда по желе-
зной дороге.
76. Кушанье.
77. Сильный холод.
78. Стадо домашних.
80. Помидор.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Растение.
2. Храм.
3. Слуга.
4. Болельщик.
5. Передний часть алаша.
6. Молочный продукт.
7. Кузнечный инструмент.
8. Восточный шарский ти-
тул.
9. Высочайшая постель.
10. Часть костюма.
11. Густой лес.
12. Хлебное изделие.
15. Навеска, диалект.
17. Бродячий мусульман-
ский монах.
19. Разнообразие оленя.
20. Предок.
22. Звонкая одежда.
24. Музыкальный термин.
26. Птица.
27. Открытый жолоб для
перемещения жидко-
стей.
29. Часть, лопать.
31. Рабочий печата.
32. Специалист по лече-
нию животных.
35. Политикан.
38. Композитор.
39. Наводнение.
40. Уборка трав.
41. Неудачная посадка са-
молета.
43. Прибор, усиливающий
звук.
46. Посуда.
48. Помост, настилка до-
платки или впамя инту-
ри ступеней.
53. Высочайшее и миро
плоскостное.
55. Давление.
58. Животное.
57. Движение воздуха.
59. Часть туфли.
61. Орудие нападения в
парном фото.
63. Танец.
65. Род шелкопрядов об-
вивающих.
67. Животное личинки на-
секомых.
68. Цитрусовое растение.
70. Отделение спяги на
полотне железной до-
роги.
71. Известный роман Драй-
вера.
73. Машина для вышивки
и срунтовой.
75. Гал.
77. Знание для верховой
сиды.
79. Русский скульптор 60-х
годов.
81. Растение.
83. Ремесленный инструмент.
85. Дорожный мешок.
86. Кнут.
87. Сказание о босках и го-
рохх древности.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 19 «ОГОНЬКА».

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Портит. 4. Гигант. 8. Дюгон. 11. Асбест. 17. Ре. 18. Вавилон. 19. Сивилла.
20. Кавказ. 21. По. 28. Кир. 27. Фюрд. 29. Брамман. 30. Афина. 32. Пти.
33. Перро. 34. Осад. 35. Мирал. 36. Силь. 43. Или. 44. Мисор. 45. Афродита.
46. Арте. 47. Ост. 48. Ал. 49. Колонна. 52. Картон. 53. Паладио. 56. Он. 61. Лю-
то. 62. Сидли. 63. Фидий. 64. Олов. 71. Уе. 72. Рафаэль. 73. Натром. 74. Мичиган.
75. Су. 80. Ира. 81. Грива. 83. Орнамент. 84. Салон. 86. Око. 87. Терми.
88. Гавот. 89. Адлер. 90. Амир. 97. Аб. 98. Акула. 99. Темплето. 100. Агава.
101. Оса. 102. Ал. 103. Барокко. 106. Сиска. 107. Варасан. 110. Ют. 115. Шли-
ман. 116. Атлант. 117. Снеда. 118. Студия.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Перикл. 2. Ра. 3. Ила. 5. Иго. 6. Ар. 7. Тинвал. 8. Дюлонг. 9. Ок. 10. Ева.
12. Ото. 13. Еж. 14. Тропик. 15. Нилон. 16. Давид. 22. Артерия. 23. Абсольд.
24. Ленгист. 25. Аполлон. 27. Форум. 28. Довер. 30. Атака. 31. Атик. 37. Пират.
38. Антон. 39. Приам. 40. Мирал. 41. Страх. 42. Стена. 50. Особа. 51. Ненад.
54. Атион. 55. Целла. 57. Тор. 58. Пав. 59. Тит. 60. Яна. 65. Жумил. 66. Налел.
67. Гиппа. 68. Гипер. 69. Флюла. 70. Тулон. 76. Валленов. 77. Когорта. 78. Ста-
длон. 79. Дорифор. 81. Ганна. 82. Абака. 84. Сфера. 85. Нинфа. 91. Ламант.
92. Купол. 93. Амакат. 94. Чернос. 95. Даяна. 96. Харит. 104. Ара. 105. Кот.
106. Ара. 109. Акт. 111. Си. 112. Па. 113. Ре. 114. Зид.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ.

Адрес редакции: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Тел. К 2-96-12, К 4-28-45.

Оформление И. Уразова.

Стат. формат 275×360 мм. 1/8 доля, 1 1/2 бум. листа.

Уголки. Гипалиты А—29840. Изд. № 724. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 5/VI—40 г. Подписано к печати 10/VII—40 г.

Типография «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Техредактор А. Котельникова.

Заказ 2110. Тираж 300 000.

„НОТЫ—ПОЧТОЙ“ ЛЕНКОГИЗ

**ВЫСЫЛАЕТ
НАЛОЖЕННЫМ
ПЛАТЕЖОМ
БЕЗ ЗАДАТКА**

**ПЕРЕСЫЛКА
ЗА СЧЕТ
ЗАКАЗЧИКА**

ДЛЯ ГОЛОСА С ФОРТЕПИАНО

КОНАЛЬ, М. Цикл песен о Сталине.
3 р. 85 к.
АГБАСКИН А. Пять отрывков из
оперы «Песни о дружбе». 4 руб.
АЗИЗОВ А. Избранные песни (6
номеров). 2 р. 85 к.
АРАНОВ, В. Романы на стихи
А. Пушкина. 4 р. 85 к.
ДАРГОМЫЖСКИЙ, А. Вокальные ан-
самбли (детей, трио и хоры).
4 р. 25 к.
НАЧАЛО РУССКОГО РОМАНСА. Сбор-
ник содержит 32 номера. 11 руб.
ПЕСНИ СОВЕТСКИХ КОМПОЗИТО-
РОВ на немецком языке. 6 руб.
ПЕСНИ ТЕКСТИЛЬЩИКОВ. Сборник
содержит 26 номеров. 5 руб.
ПЕСНИ ТЯЖЕЛОЙ ИНДУСТРИИ.
Сборник содержит 47 номеров. 8 руб.
СБОРНИК НАРОДНЫХ ИСПАНСКИХ
ПЕСЕН. 6 руб.
СВИРИДОВ, Ю. Казачьи песни.
3 р. 50 к.
ЮРОВСКИЙ, Ю. Избранные арии и
песни из оперы «Дума про Опа-
наса». 5 руб.

КНИГИ

Разбор трех последних симфоний Мо-
царта. 2 р. 50 к.
Разбор 29 произведений русских
композиторов. 4 р. 05 к.
Краткие биографии 15 советских
композиторов. 2 руб.
ЕГОРОВ, Основы хорового пения.
6 р. 50 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
ЛЕНИНГРАД, 25, проспект Нахик-
сона, 18, «НОТЫ—ПОЧТОЙ».

НАРКОМПРОС РСФСР
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ЦЕНТРАЛЬНЫЕ КУРСЫ
ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ
Москва, Кузнецкий Мост, 3,
тел. КЗ-80-42.

ИН-ЯЗ

**ПРИЕМ
В ТЕЧЕНИЕ
ВСЕГО ГОДА
НА ОТДЕЛЕНИЯ**

**АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО
ЯЗЫКОВ**

**и на первый и второй курсы
ФРАНЦУЗСКОГО.**

Программа первых двух курсов со-
ответствует программе по языку пол-
ной средней школы. Программа трех
курсов — программе вузов и вузов.
Окончившим выдаются соответ-
ствующие свидетельства.

Имеется специальное переводческое
отделение.

Подробности в проспекте. Прислан-
ные высылаются за 60 коп. почтовыми
марками.

Справки лично и по телефону с
13³⁰ до 19 часов ежедневно, кроме
обеденных часов.

Ленинградское отделение курсов:
Ленинград, Апраксин пер., 2.

Курсами выпущено и продается
ФОНЕТИЧЕСКОЕ ПОСОВИЕ по ан-
глийскому и французскому языкам
НА ГРАММЛАСТИНКАХ О РУКО-
ВОДСТВОМ по каждому языку.

Продвижка производится в помеще-
нии курсов.

Стоимость комплекта из 8 двухсто-
ронних пластинок с руководством
(без пересылки): по английскому язы-
ку — 23 р. 50 к., по французскому —
27 р. 50 к.

Пересылка почтой — 11 р. 50 к.
Заказы выполняются только по по-
лучению полностью стоимости с пе-
ресылкой.

К сведению читателей ГАЗЕТЫ „ПИОНЕРСКАЯ ПРАВДА“

С 1 июля 1940 г. подписная цена
на «Пионерскую правду» увели-
чивается. Газета будет стоить
75 копеек в месяц. Поэтому с
подписчиками производится сле-
дующий перерасчет.

Тому, кто с апреля подписался
на четыре и пять месяцев, газета
высылается до 1 августа.

Подписавшимся с апреля на 6
месяцев газета высылается до
1 сентября.

Подписавшимся с апреля на
7 и 8 месяцев газета высылается
до 1 октября.

Тем, кто подписался с апреля
до конца года, газета высылается
до 1 октября, но, доплатив 1 рубль
80 копеек, подписчики будут по-
лучать газету до конца года.
Деньги необходимо доплатить не
позднее 10 сентября в то почто-
вое отделение, которое доста-
вляет газету, но только нужно
принести с собой старую квитан-
цию. Если вы ее потеряли, за-
явите об этом на почту, и там
найдут вашу карточку формы № 4.

„НОТЫ—ПОЧТОЙ“ ЛЕНКОГИЗ

**ВЫСЫЛАЕТ НАЛОЖЕННЫМ
ПЛАТЕЖОМ БЕЗ ЗАДАТКА**

**ПЕРЕСЫЛКА ЗА
СЧЕТ ЗАКАЗЧИКА**

НАРОДНЫЙ ОРКЕСТР

ПАВЛОВ, Л. Семь песен советских
композиторов. Орк. дмр. (парти-
тура). 2 руб.
РОЗОВ, Л. Четыре пьесы для трио.
1 р. 30 к.
ТОМИЛИН, В. Песни о Матвее Ра-
ковиче (партитура). 1 р. 50 к.
ФОМИН, Н. Шесть русских народ-
ных песен (партитура). 1 р. 75 к.
ЧАЙКОВСКИЙ, П. Четыре пьесы.
Орк. дмр. и бал. (голоса). 5 р. 25 к.
ЧЕРНОВ, Ю. Шесть русских народ-
ных песен. Трио (голоса). 1 р. 25 к.

БАЯН

ГЛАДКОВ, И., ГОЛУБЕН, А. Школа-
самоучитель. 40 нотной сист. 4 руб.
КЛИМЕНТОВ, Ф. Десять народных
песен. 2 р. 15 к.
РОЖКОВ, В., ХВЕДЧЕН, В. Сбор-
ник этюдов. 4 р. 90 к.

БАЛАЛАЙКА

ИЛЮХИН, А. Школа. Часть 1-я по
нотной системе. 7 р. 45 к.

ХОРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЗАХАРОВ, В. 30 русских народных
песен хора имени Пятницкого. 3 руб.
СНЕПНИКОВ, А. Сборник хоров
иностранных композиторов (парти-
тура). 4 р. 50 к.
ЧИШКО, О. Избранные песни и
хоры на оп. «Пронесен Потем-
кин». 3 руб.
ЮРОВСКИЙ, В. Избранные хоры на
оп. «Дума про Опа-наса». 6 р. 75 к.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
ЛЕНИНГРАД, 25, проспект Нахик-
сона, 18, «НОТЫ—ПОЧТОЙ».

Традиция,

*продавайте негодные
вышедшие из употребления
предметы хозяйственного и
домашнего обихода из цветных
металлов: САМОВАРЫ, ЧАЙНИКИ,
ПРИМУСЫ, КАСТРЮЛИ и ДР.*

**ЛОМ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ ПОКУПАЕТ
ЧЕРЕЗ СВОИХ АГЕНТОВ И ПАЛАТОЧНУЮ СЕТЬ-**

фирма **„ВТОРЦВЕТМЕТ“**

**А ТАКЖЕ ПАЛАТКИ СОЮЗУТИЛЯ,
ПРОМКООПЕРАЦИИ И ПОТРЕБКООПЕРАЦИИ**

Огонек

Цена 50 коп.

1411
НАГАТИНСКОЕ ШОССЕ
Д. 9, КВ. 51
БАНАНОВУ В. П.
17 1.12 1954 г.

